

The background of the cover is a photograph of a natural landscape. In the foreground, there is a rocky, reddish-brown riverbank with some sparse vegetation. A small stream flows from the right side towards the bottom center. The background is filled with trees showing vibrant autumn colors in shades of orange, red, and yellow. The sky is bright and slightly hazy.

КОНСТАНТИН
КОЛЧИГИН

ЗЕМЛЯ ОЛЬХОВСКОГО

ТАЙНЫ ЧУЖОГО МИРА
КНИГА ВТОРАЯ

Константин Колчигин

**Земля Ольховского. Тайны
чужого мира. Книга вторая**

«Accent Graphics communications»

2013

Колчигин К. В.

Земля Ольховского. Тайны чужого мира. Книга вторая /
К. В. Колчигин — «Accent Graphics communications», 2013

Продолжение удивительных приключений героев, отправившихся по следам первой экспедиции в глубины неизведанного мира. По-прежнему просто удивительно тёплая атмосфера между героями. Станный мир, преподносящий всё новые и новые загадки. Мир, в котором меркнет время от времени светило, где сочетаются руины городов развитых цивилизаций и динозавры. Просто хорошая, очень увлекательная книга, правдивая настолько, что у автора совершенно серьёзно спрашивали, ассоциируя его с главным героем, как же ему удалось вернуться из такой опасной экспедиции... Пособие по выживанию в трудных и необычных условиях. И – те самые пирожки из динозавров. Ю. Лиска

© Колчигин К. В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Часть первая	5
I.	5
II	12
III	18
IV	23
V	28
VI	36
VII	40
VIII	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Константин Колчигин

Земля Ольховского

Фантастический роман

Книга вторая

Тайны чужого мира

Часть первая

К намеченной цели

I.

Двускатная крыша высотного перехода, начинавшегося прямо под нами, выполненная, похоже, из особого гладкого прочного материала, способного, наверное, почти неограниченное время противостоять атмосферным воздействиям, тянулась туда, где в метрах в тридцати-сорока в зловещем багровом мраке вырисовывались неясные контуры соседнего, еще более колоссального сооружения. За последние полчаса мы прошли всю огромную галерею, образованную с одной стороны стеной древнего здания (и тянувшуюся вдоль всего его периметра), а с другой – исполинской балюстрадой, миновали с десяток наглухо закрытых гигантских дверей и вернулись к месту, наиболее удаленному от канала, где я, взобравшись на двухметровой высоты барьер (шириной в пять-шесть метров), служащий основанием для балясин высотой почти с пятиэтажный дом, обнаружил эту тускло блестящую в скудных лучах едва светившего Агни крышу высотного перехода. Спрыгнув назад, я помог подняться Наташе, а потом и Адмиралу, который, уцепившись было своими мощными когтистыми лапами за край барьера, немедленно заскользил по гладкому камню вниз, но с нашей совместной помощью (я подталкивал его снизу, а Наташа тянула за шкуру сверху) все же выбрался наверх. В последнюю очередь я передал снизу своей спутнице наше нехитрое имущество: пару ружей, сумку с припасами и довольно тяжелый стальной термос в кожаном футляре, после чего вновь взобрался на барьер. Потом мы сели рядом, прислонившись ко все еще теплому камню (температура успела понизиться на несколько градусов, а с севера временами дул прохладный ветерок) громадной балясины, выпили по несколько глотков холодной воды из термоса, и я даже немного налил ее в специально захваченную для Адмирала пластиковую плошку. Пес довольно охотно вылакал воду и уселся у наших ног в ожидании дальнейших действий.

– Николай Александрович... – заговорила было моя спутница, потом помолчала с полминуты и уже решительней продолжила. – Мне хотелось сказать вам, если мы не выберемся...

– Не стоит спешить с откровениями, Наташа! – немедленно остановил я ее. – Позднее вы можете пожалеть о неосторожных словах...

– А вы уже жалеете, о том, что сказали, как относитесь ко мне? – сразу спросила девушка, похоже, забыв о нашем незавидном положении.

– Ничуть, – отозвался я, поднимаясь и поправляя весь свой арсенал. – Пожалуй, нам не стоит рассиживаться здесь, дожидаясь местных обитателей... Пора спускаться вниз...

– Нам есть куда идти, Николай Александрович? – как-то устало и почти равнодушно поинтересовалась моя спутница. – Может быть, нам лучше остаться здесь и подождать, когда станет светло?

Ее настроение мне не понравилось – чтобы выполнить все задуманное мной, требовалось немало энтузиазма, и мне совсем не хотелось заставлять свою спутницу следовать за собой. Я помолчал несколько минут, вглядываясь в багровый мрак – мы пришли в это место не случайно. Где-то там, в торце соседнего здания, к которому вел крытый переход, находились на большой высоте два исполинских балкона (по обеим сторонам от перехода), и от каждого из них вниз вела соответствующих размеров каменная лестница, вплотную примыкающая к стене основного сооружения, с площадками и соответствующими им поворотами на каждом этаже – все это я разглядел в бинокль еще на подходе к Городу. Помимо прочего, каждый уровень колоссального здания имел собственный карниз и тоже, надо полагать, немалых размеров... Учитывая всю строгость местной архитектуры, я рассудил, что дополнительные карнизы должны проходить на одном уровне с краями крыши перехода и лестничными площадками – любые дополнительные ниши неизбежно бы снижали долговечность всего сооружения, рассчитанного на почти неограниченное время существования... Кажется, возможность спуститься отсюда все же была, но следовало немало потрудиться, чтобы сделать это.

– Вставайте, Наташа! – распорядился я. – Через пару часов мы должны быть у лодки! А по возвращении из Плутонии я еще рассчитываю быть приглашенным на вашу свадьбу!

Мой решительный тон подействовал почти мгновенно – девушка сразу поднялась, руками в тонких кожаных перчатках (я заставлял ее в пути носить их) откинула с лица свои пышные волосы, а потом чуть улыбнулась мне – я больше почувствовал, чем разглядел это в окружающей нас красноватой темноте.

– Вы попадете на нее только в качестве жениха! – также весьма решительно заявила она.

Вопрос этот я обсуждать не стал, и, на мгновение прижав девчонку к себе, легко коснулся губами ее нежной прохладной щеки... Потом я снял широкие кожаные ремни с ружей, сумки и термоса, и тщательно закрепил их на туловище Адмирала, которому не слишком-то понравилось эта амуниция – однако иначе я бы не смог спустить его на крышу перехода, до которой было более двух метров, используя лишь сравнительно тонкий синтетический трос. Вынув последний из сумки, я скрепя сердце (как знать, какая длина еще потребуется) отрезал от него ножом пару метровых кусков и связал ими наше имущество, а потом, размотав трос на всю длину, поочередно затянул его особыми морскими узлами на всех четырех ремнях поверх спины Адмирала, чтобы по возможности равномерно распределить по ним весь немалый вес собаки. Через минуту, соблюдая максимальную осторожность, я, с небольшой помощью Наташи, спустил пса на крышу перехода и почти сразу соскользнул следом сам – повис на секунду на руках (перчатки позволяли неплохо держаться за край барьера) и легко спрыгнул вниз – оставалось не более полуметра. Приняв связку из ружей, сумки и термоса от своей спутницы, я приготовился помочь спуститься и ей – мой способ здесь, увы, не годился, потому что девушка, скорее всего, не смогла бы удержаться руками на гладком камне. Так это было или иначе, но рисковать я не стал, и, когда Наташа, опираясь о край барьера одновременно руками и животом, свесила вниз ноги, я сразу придержал ее за бедра, а потом, после того, как она опустилась ниже, неплохо помогая мне руками, довольно удачно посадил ее себе на правое плечо и теперь уже она смогла (опять же с моей помощью) безопасно соскочить на крышу. Смотав трос и сунув его под ремни на спине Адмирала, я прихватил наши вещи, и мы втроем (моя спутница придерживала за один из ремней собаку) осторожно прошли по самому гребню крыши, представляющую собой единый двускатный элемент с весьма умеренными наклонами. Как я и предполагал, у стены соседнего здания обнаружилось, что дополнительный карниз действительно находится на одном уровне с краями крыши перехода, а ширина его вполне прилична – метра два. Впрочем, тут же выяснилось и другое, менее приятное, обстоятельство – угол наклона этого декоративного элемента оказался заметно выше, чем у только что пройденной нами крыши. Выбрав правую лестницу (путь от ее подножия до канала представлялся

мне несколько короче), я направился к карнизу. Идущая следом за мной Наташа вдруг остановилась и отступила назад.

– Николай Александрович! – тихо окликнула она меня и как-то порывисто вздохнула. – Там ведь настоящая пропасть.

Повернувшись к спутнице, я посмотрел сначала на нее, а потом на Адмирала, также не выглядевшего на этой головокружительной высоте особенно уверенным – почти все время прижимался к нашим ногам и почти спокойно произнес:

– Конечно! Но мы ведь не собираемся ни падать, ни прыгать в нее. Просто тихо и осторожно пройдем к лестнице.

Положив наше скромное имущество на крышу, я строго приказал Адмиралу сидеть на месте, после чего крепко взял девушку за руку и осторожно ступил на карниз. Оказалось, что подошвы моих сапог совсем неплохо держались на скате, и я, преодолевая легкое сопротивление своей спутницы, сделал первые несколько шагов левым плечом вперед, приставляя одну ногу к другой, не позволяя себе думать о страшном провале за близким краем карниза... Кроссовки Наташи чуть скользнули по гладкой поверхности, и ее пальцы почти сразу судорожно сжали мою руку. Тогда я стал двигаться еще медленнее, следя за тем, чтобы наши плечи соприкасались, а моя правая ступня прикрывала ее левую. Минуты две мы крайне осторожно ступали по карнизу и раза три или четыре останавливались, когда моя спутница теряла равновесия. Впереди из багрового мрака стали выступать очертания очередной гигантской балюстрады, окружающей площадку лестницы, которая, как я и предполагал, находилась также на одном уровне с карнизом. Соблюдая максимальную осторожность, мы сделали еще десятка три шагов и оказались у основания огромной балясины, подобной той, где мы отдыхали некоторое время назад. Здесь мне пришлось аккуратно разогнуть девичьи пальцы, державшие мою руку – сама Наташа этого сделать не смогла. Потом моя спутница несколько раз глубоко вздохнула, неожиданно кинулась мне на шею, прижалась всем телом и отчаянно (почти во весь голос) зарыдала – сказала нервная реакция. Мне подумалось в эту минуту, что девчонка уже успела натерпеться со мной немало страха, а ведь даже трудно было и предположить, какие приключения ждали нас еще впереди. – Господи, Николай Александрович! Вам же еще нужно вернуться за Адмиралом! – наконец спохватилась Наташа, опять тяжело вздохнула и отстранилась. – Только будьте, пожалуйста, осторожней! И не спешите...

– Все будет в порядке! – чуть улыбнулся я в темноте.

Разумеется, я совсем не горел желанием вновь оказаться над пропастью, но, тем не менее, без колебаний опять ступил на карниз, чтобы перевести сюда своего верного пса. Обратный путь у меня занял не более трех минут, и я еще издали разглядел лохматый силуэт Адмирала – пес в ожидании меня нетерпеливо перебирал лапами, но, как и было приказано, не двигался с места. Когда я оказался рядом, он поднялся и лизнул мою руку в перчатке – видимо, и ему пришлось пережить в ожидании хозяина несколько неприятных минут. Тщательно осмотрев связку вещей, я закинул ее за спину, взял за ближайший к голове собаки ремень и снова шагнул на этот проклятый карниз. Почти сразу обнаружилось, что лапы Адмирала едва держатся на гладкой поверхности, и мне пришлось пойти на большой риск – идти с ближней к краю стороны, чтобы придерживать собаку. Благо, что пес хорошо понимал грозившую нам опасность и ступал очень осторожно, но раза три он все же поскользнулся и едва не спихнул меня со страшной высоты... Пару раз я еле удержался от того, чтобы не бросить ужасно неудобный и отчаянно мешавший мне узел с вещами, и не сделал этого лишь потому, что прекрасно понимал, как необходимы нам будут внизу ружья и те мелочи, которые находились в моей сумке. А еще мы с Адмиралом двигались почти вдвое медленнее, чем с Наташей – любое неосторожное движение теперь могло обернуться немедленной гибелью. Моя спутница еще издали, даже во мраке, разглядела, каким порядком мы пробираемся и замерла, прислонившись к многогранному основанию балясины – теперь она волновалась уже за нас. Меня же в эти минуты забо-

тило лишь то, чтобы мой пес не поскользнулся еще раз (рано или поздно я бы не устоял на краю карниза) и я, целиком сосредоточиваясь на каждом шаге, почти не чувствовал страха. Прошлое, наверное, минут десять или пятнадцать, когда мы с Адмиралом наконец оказались рядом с Наташей – девушка опять обняла меня, а благодарный пес дважды лизнул мою руку. Потом выяснилось, что мы находимся на барьере, подобном тому, что служил основанием балюстрады у недавно покинутой нами галереи и сама площадка гигантской лестницы расположена почти на три метра ниже. Мы спустились на нее в том же порядке: сначала осторожно на тросе (укрепленном на всех четырех ремнях) опустили Адмирала, потом, повиснув на руках, прыгнул я и помог сделать то же самое Наташе. Площадка была очень просторная – размером в половину стандартного спортивного зала, а в стене здания обнаружилась наглухо закрытая гигантская (с трехэтажный дом) дверь. Я рассчитывал, что ступени лестницы будут подобные тем, по которым мы поднимались вблизи канала, но они оказались почти вдвое больше – шириной и высотой около трех метров. Стало ясно, что нас ждет нелегкий труд, а там, внизу, весьма вероятно, ожидало и кое-что пострашней... Первую ступень мы одолели минуты за три, следующую – пожалуй, за две, а дальше дело пошло еще быстрее. Адмирал терпеливо позволял спускаться на ремнях, я все более ловко соскальзывал вниз, правда, временами цепляясь за край ступени наплечными кобурами пистолетов и висящим на поясе ножом, и даже у Наташи дела шли все лучше и лучше, но я уже начал волноваться за ее блузку и джинсы – при таком обращении одежда могла не выдержать весь нелегкий спуск. Через десяток ступеней обнаружилась поворотная площадка, а следующие десять привели нас на этаж ниже, но я не решился остановиться на отдых и мы одолели еще один этаж (дополнительно два десятка ступеней), когда я, наконец, позволил своей спутнице немного отдохнуть и выпить все еще прохладной воды из термоса.

– У вас, наверное, уже плечо заболело! – сказала Наташа, принимая из моих рук стальную крышку термоса, наполненную водой.

– С моим плечом все в порядке! – отозвался я, наполняя плошку Адмирала. – Вы ведь достаточно округлая! Вот если бы вы были фотомodelью...

– Я, кажется, вешу вдвое больше любой фотомodelи! – заметила моя спутница. – Поэтому и волнуюсь за вас! А вам нравятся девушки модельной внешности?

– Наташа! Мы уже выяснили с вами, кто мне нравится, и пока не будем больше возвращаться к этому вопросу! – почти серьезно ответил я. – А от фотомodelей я всегда произвольно отводил взгляд...

Оставшуюся часть лестницы мы одолели за час с небольшим – как выяснилось, мощный цоколь гигантского здания, с собственной высотой в двадцатипятиэтажный дом, у торца основного сооружения имел большой выступ (на который и вели лестницы) или даже, скорее, очень просторную площадку, а дальнейший спуск представлял собой широченный и весьма пологий пандус, ведущий вдоль почти всего колоссального дома, в противоположную от канала сторону... У подножья громадной лестницы мы остановились и я, освободив от ремней Адмирала, сразу вернул их на свои места – пристегнул к ружьям, термосу и сумке, а потом тщательно свернул трос вместе с его обрезками (как знать, для чего все это может еще понадобится!)... Моя измученная спутница попросила хоть пять минут отдыха, но здесь задерживаться было слишком опасно, и я решил без промедления двигаться дальше. Одежда Наташи сильно пострадала во время преодоления огромных ступеней: джинсы изрядно истрепались, а на блузке не осталось ни одной пуговицы и мне пришлось помочь девчонке завязать ее снизу на довольно оригинальный узел – благо было все еще достаточно тепло, хотя температура и успела понизиться градусов на пять... Мой костюм был в лучшем состоянии – я не сползал по ступеням, но, тем не менее, очень нуждался в хорошей чистке. Повесив на плечи весь наш груз, я взял девушку за руку (наши перчатки тоже сильно пострадали) и мы направились по пандусу вниз. Адмирал держался рядом, почти все время настороженно приносясь и прислушиваясь. Надо сказать,

я сам очень внимательно поглядывал по сторонам, хотя в окружающем нас багровом мраке можно было разглядеть очень немного и не далее, чем в десятке метров... Гладкая, ведущая вниз под очень небольшим углом поверхность так и звала ускорить шаг, но я сразу решил двигаться лишь в среднем темпе – те, кого мы опасались, могли ориентироваться не только по запаху, но и по звуку шагов, голоса, шелесту одежды и даже, возможно, глубокого дыхания... Колоссальное сооружение, как оказалось, тянулось более чем на полкилометра, а каждый шаг отдалял нас от канала, где находилась наша лодка и мне это обстоятельство совсем не нравилось. Однако, у дальнего торца этого невероятно огромного дома, пандус (мы все еще находились на приличной высоте), минуя очень просторную горизонтальную площадку, повернул назад и теперь мы уже двигались в обратном направлении. Еще на подступах к Городу я отметил, что вокруг нет ни единого живого существа, и поэтому даже не надеялся, что нам удастся пройти незамеченными. Остановившись на минуту – другую, я подтянул ремни ружей и закинул их за спину, а потом соединил (с помощью карабинов на концах) ремни сумки и термоса, чтобы можно было придерживать при быстром беге оба предмета одной рукой. Дальше мы двигались с еще большей осторожностью, стараясь не производить ни малейшего шума. Тянувшаяся от нас с правой стороны и делавшаяся все выше вертикальная стена (также довольно гладкая) цоколя здания не имела на всем своем протяжении ни окон, ни дверей – наверное, поэтому мы и спустились здесь без особых проблем. Когда до окончания пандуса осталось с десяток метров, я еще более замедлил шаг – то, чего нам следовало бояться, могло оказаться сразу за углом. Отсюда до лодки оставалось около километра, и я, находясь в исключительной физической форме, мог бы с легкостью пробежать это расстояние минуты за три даже со всем своим арсеналом и грузом на плечах. Однако моя спутница заметно уступала мне в скорости бега на любые дистанции, и я решил попытаться хоть часть пути пройти обычным шагом – ведь непонятные чудовищные существа, охотившиеся во мраке на все живое, скорее всего, не ждали нас непосредственно у конца спуска. Осторожно глянув за угол цоколя, я не обнаружил там ничего угрожающего, и мы, стараясь все также не шуметь, двинулись дальше, все время внимательно поглядывая по сторонам. Путь до соседнего здания (которое мы осматривали, выбравшись из канала) занял несколько минут и прошел без проблем. Здесь я взял направление несколько левей, чтобы немного отдалиться от гигантского сооружения, цокольный этаж которого изобиловал дверями и окнами соответствующих размеров. К сожалению, опасения мои почти немедленно оправдались – первая же громадная дверь была полностью раскрыта и в ее необъятном проеме, казалось, зашевелился сам мрак... Адмирал свирепо и страшно зарычал, а Наташа громко вскрикнула, теперь соблюдать тишину уже не имело смысла, и я, резко потянув спутницу за руку, тоже крикнул:

– Бежим!

Поначалу мы взяли неплохой темп и держали его почти целую минуту, но потом моя измотанная спутница стала быстро слабеть, задыхаться и отставать – я тянул ее за руку, но это мало помогало. Справа и впереди, у самого подножия гигантского дома, в нашу сторону двинулся очередной огромный сгусток мрака, и я немедленно взял еще левей, но там почти сразу тоже появилось и стало быстро приближаться к нам другое страшное порождение древнего Города. Не задумываясь, я вернулся на прежний путь, хотя было совершенно очевидно, что мы не успеем проскочить между ними...

– Николай Александрович! – задыхаясь, крикнула Наташа. – Они схватят нас!

– Молчите! – быстро на бегу проговорил я. – Берегите дыхание!

Благо, что моя спутница полностью доверяла мне, и ее не пришлось заставлять или убеждать выполнять распоряжения. Менее чем через полминуты, когда до двух сгустков мрака, каждый из которых был размером с двухэтажный дом, оставались считанные метры, и они остановились, почти слившись друг с другом, я резко взял правее, и мы обогнули этих страшных существ, почти на расстоянии вытянутой руки. Мельком глянув назад через плечо, я даже заме-

тил, как нам вслед потянулись многочисленные черные щупальца, внешне схожие с клубящимися дымами. Теперь мы бежали напрямую к каналу, и в первые же секунды расстояние между нами и преследователями заметно возросло – они были достаточно быстры, чтобы догнать даже хорошего бегуна, но не обладали особой маневренностью. Это промедление спасло нас и от третьего существа, до того быстро нагонявшего и находившегося уже в десятке-другом метров позади. Плохо было то, что моя спутница очень скоро стала глубоко и судорожно дышать, а потом и вовсе перешла на быстрый шаг – бежать она была уже не в состоянии... Еще раз оглянувшись, я различил в багровой темноте, как все три сгустка мрака разделились и, набирая скорость, двинулись в нашу сторону.

– Быстрей, Наташа! – мягко проговорил я, выражая в словах больше просьбу, нежели приказ...

Это подействовало, и девушка опять побежала, скорее, впрочем, сделала попытку... Через несколько секунд мы оказались у каменных ступеней, ведущих в нашу маленькую гавань, и я, снова глянув на преследователей (они находились не далее чем в полусотне метров), быстро соскочил с полутораметровой ступени и сразу протянул руки Наташе, которая сначала села на край, а потом, с моей помощью, прыгнула на следующую ступеньку. Адмирал, теперь не тративший сил на рычание, сразу последовал за нами, а потом, прыгая со ступени на ступень, даже оказался впереди. Мы спешили, как могли и одолели всю лестницу, наверное, лишь за минуту с небольшим, а потом сразу побежали к лодке, но я успел заметить (вновь оглянувшись), как огромные черные существа довольно быстро двигаются по ступеням, словно стекают вниз... Мы пробежали по большой луже, разбрызгивая воду, и моя спутница насквозь промочила кроссовки, подскочили к лодке, а я на ходу сорвал с уступа накиннутый на него фал. Секундой позже я сильным рывком толкнул наше суденышко на воду носом вперед и жестом велел спутнице садиться в него. Наташа, неловко, едва удержавшись на ногах (я успел поддержать ее за локоть), запрыгнула в лодку и сразу пробралась на носовое сиденье, Адмирал заскочил следом, и я, оттолкнув суденышко от большой наклонной плиты, служащей здесь причалом, забрался следом. Быстро освободившись от груза, я устроился на среднее сиденье и взялся за весла – наши преследователи уже подступили к самой воде. Здесь они помедлили несколько секунд, и я было уже решил, что мы, наконец, избавились от них, но мой пес снова оглушительно зарычал, а в темноте можно было различить, как кошмарные сгустки мрака двинулись прямо по воде. В считанные секунды я провел лодку через неширокий проход, и мы оказались в канале, где довольно быстрое течение сразу подхватило наше суденышко. Оставив весла, я придвинулся к мотору, опустил его в воду, чуть качнул топлива (с помощью специальной «груши» на топливном шланге), а потом дернул за пусковой шнур. Мотор фыркнул и сразу умолк. На второй, третий и четвертый рывок он вовсе не отреагировал, а я, чуть повернув голову, заметил, как наши преследователи один за другим выбираются из прохода и направляются к нам, двигаясь по воде, кажется, даже быстрее, чем по суше... Дернув пусковой шнур еще несколько раз и не добившись успеха, я рывком поднял мотор из воды и установил его на упор, а потом, вернувшись на среднее сиденье, схватился за весла. Адмирал, сидевший у моих ног, в который раз за сегодняшний день свирепо и страшно зарычал на громадные жуткие сгустки мрака, находившиеся лишь в десятке метров от нас. Почти сразу я взял хороший (но не предельный) темп гребли, рассчитывая, что преследователи не станут особенно отдаляться от мест своего обитания и мне удастся без особых усилий уйти от них. Однако расстояние между нами стало быстро сокращаться, и я начал поневоле увеличивать темп. Правая (если судить по направлению течения) наклонная стена канала неожиданно ушла в сторону и там появилась огромная гавань, в глубине которой можно было различить какие-то циклопические сооружения. Теперь Адмирал рычал уже беспрерывно – чудовищные существа настигали нас и в этом живом мраке сначала исчез гребной винт мотора, потом дейдвудная часть и, наконец, весь белый колпак двигателя... Ко мне и Адмиралу потянулись страшные клубящиеся щупальца, я

почувствовал быстро усиливающуюся боль в голове, а потом услышал уже знакомый зловещий шепот, нагнетающий невероятный ужас... Теперь я греб словно одержимый, глубоко и часто дыша – вода так и бурлила вокруг лодки и дюралевых лопастей весел. Прошла одна страшная минута, потом другая, в течение которых чудовищные щупальца все тянулись к нам с Адмиралом и никак не могли нас достать... Наконец я взял совершенно невероятный (даже запредельный) темп гребли и, продержав его пару минут, заметил, как жуткие клубящиеся сгустки стали медленно и нехотя отдаляться от нас. Из живого мрака выступил капот двигателя, потом вся дейдвудная труба, а когда показался гребной винт, наши преследователи вдруг резко отстали от лодки, видимо, отказавшись от не в меру резвой и неподдающейся на психическое воздействие намеченной жертвы... Еще несколько минут я поддерживал этот совершенно сумасшедший темп, а потом понемногу стал грести все медленнее и медленнее, скоро лишь удерживая лодку на середине канала, где течение было быстрее...

II

Внимательно оглядевшись по сторонам, я перестал грести, укрепил весла вдоль борта и прислушался в наступившей тишине. Неуправляемую лодку сразу развернуло поперек течения, которое оставалось довольно сильным – примерно десять-двенадцать километров в час. С севера по-прежнему дул легкий прохладный ветерок, хотя температура воздуха оставалась достаточно комфортной – что-то около двадцати пяти градусов. Теперь, когда Город был далеко позади, и мы миновали даже большой местный порт, где-то в ближайшей окружающей местности, скрытой от нас высокими наклонными стенами канала, стали слышны приглушенные крики птиц, временами раздавался очень неприятный для слуха вой, а пару раз послышалось что-то сходное со злобным рычанием. Я оглянулся на Наташу – девушка сидела прямо на алюминиевом пайоле, обхватив колени руками, и даже в этом багровом мраке я разглядел, что ее била нервная дрожь... Стоило мне лишь протянуть своей спутнице руку, как она порывисто вскочила и через секунду устроилась рядом (я быстро подвинулся вправо) со мной на достаточно широком среднем сиденье. Я было обнял ее за плечи, но Наташа чуть повернулась и, приняв не слишком удобную позу, спрятала лицо у меня на груди, а потом вновь, как тогда, после перехода по карнизу, громко, во весь голос, зарыдала. Стянув перчатки, я несколько раз осторожно провел ладонью по ее голове, а потом стал в задумчивости перебирать великолепные локоны девичьих волос. Плечи моей спутницы перестали вздрагивать от судорожных вздохов, она всхлинула еще пару раз и умолкла, еще тесней прижавшись ко мне. Мне подумалось в эту минуту, что подобные приключения все же не для интеллигентных девчонок, и ведь было даже трудно предположить, какие потрясения нас еще ждали впереди на дальнейшем пути к нашему плавучему дому. С четверть часа мы молчали, и я все также держал девушку в объятиях, не забывая, впрочем, привычно поглядывать по сторонам и прислушиваться к каждому звуку. Но теперь даже Адмирал был спокоен и время от времени дремал, прислонившись к моим ногам. По-прежнему сильное течение, местами образуя поверхностные водовороты, нередко кружило лодку, а наклонные каменные берега, едва различимые в красноватом мраке, довольно быстро проносились мимо. Принимая во внимание скорость водяного потока, можно было с уверенностью сказать, что при таком наклоне русла канал где-то уже сравнительно недалеко впадает в Восточное море (если пользоваться названиями наших предшественников) или достаточно обширный морской залив. Я осторожно высвободил левую руку и, мельком глянув на уже едва светившийся в темноте циферблат своего подводного хронометра (шел второй час ночи, если судить по привычному для нас распорядку), повернул запястье так, чтобы стал виден миниатюрный компас, врезанный в широкий удобный ремешок часов (разумеется, не отличавшийся особой точностью). В настоящее время мы двигались в юго-западном направлении и даже постепенно приближались к устью реки Ледниковой, которое (я вспомнил карту морей этого мира, составленную профессором Ольховским, и сопоставил с ней протяженность и основные направления нашего пути) могло находиться не более чем в сотне километров от места впадения канала в Восточное море. Наташа выпрямилась, на секунду-другую прижала ладони к лицу, а потом убрала руки и поправила свои пышные волосы.

– Наверное, я вела себя ужасно... – тихо сказала она, положив голову мне на плечо. – Закатила такую истерику... Вы сердитесь?

– Конечно, нет! – улыбнулся я в темноте. – Обычная нервная реакция девчонки...

– Кажется, рядом с вами можно не бояться ничего на свете, – задумчиво проговорила моя спутница и после небольшой паузы добавила. – Я никому еще так не доверяла... Может быть, только родителям, да и то лишь в детстве...

Девушка взяла в свои ладони мою левую руку, а потом чуть передвинулась на сиденье, устраиваясь поудобней. Наверное, сейчас моя спутница чувствовала покой и умиротворен-

ность, но я, в отличие от нее, несмотря на усталость, был все также настороже: веди я себя в подобных ситуациях иначе – мне ни за что было бы не дожить до своих лет...

– У меня такое ощущение, будто бы по мне проехал асфальтовый каток! – сообщила мне Наташа, переплетая пальцы наших рук – получилось это у нее совсем неплохо.

– Для вас было слишком много физкультуры, – вновь улыбнулся я. – В другой обстановке я бы предложил вам расслабляющий массаж.

– А если по возвращении? – тихо спросила девушка, и по ее голосу я понял, что она тоже улыбается. – Или ваши подчиненные могут понять все не так?

– Скорее напротив – они поймут все верно! – легко рассмеялся я и сразу ощутил ладонью горячее пожатие девичьих пальцев...

Несколько минут мы молча сидели рядом – усталость от невероятно трудного дня давала о себе знать, а потом я, вспомнив, как мы пробежались по луже, осторожно высвободил свою левую руку, наклонился и развязал шнурки на мокрых кроссовках своей спутницы. Разув девушку, я стянул также с ее ног тонкие нейлоновые носки и положил их на кормовое сиденье, куда до того уже поставил кроссовки – здесь все это могло подсохнуть быстрее, чем на дне лодки.

– Вам нужно отдохнуть, Наташа, – сказал я, вытаскивая из пакета оба наших шерстяных пледа. – Устраивайтесь поудобней...

– А вы? – немедленно спросила моя спутница, осторожно поднимаясь с сиденья (лодка чуть качнулась, и я машинально придержал девушку за бедра). – Вы, наверное, устали больше моего!

– Я старый закаленный воин! – невесело рассмеялся я. – Не так давно я бы назвал все случившееся сегодня обычным рабочим днем... И, кроме того, кто-то должен следить за нашим каналом – довольно скоро он может закончиться и если пропустить этот момент, то нас далеко унесет в море! Придерживаясь за мою руку, девушка осторожно перешагнула сиденье, а потом, уже оказавшись за моей спиной, помедлила немного и как-то неуверенно спросила:

– Ничего, если я разденусь? У меня вся одежда просто в ужасном состоянии...

– Да, конечно! – сразу откликнулся я, хотя уже думал о том, что предстояло сделать в ближайшие часы. – Завернитесь в плед, а ваши вещи мы хорошенько прополоскаем, когда пристанем к берегу! Думаю, все успеет высохнуть лишь за несколько часов.

Наташа разделась за моей спиной, взяла с сиденья оба пледа и повозилась еще несколько минут в носовой части устраиваясь поудобней, а потом затихла. Дремавший до того сидя Адмирал, теперь тоже растянулся на пайоле у моих ног и погрузился уже в основательный сон. С четверть часа я сидел совершенно прямо, положив руки на колени и закрыв глаза, а также оставив все посторонние мысли, сняв лишнее напряжение с усталого тела, лишь автоматически поддерживая равновесие в этой не слишком удобной позе. Это был один из моих собственных методов частичного восстановления сил, который не раз помогал мне преодолевать экстремальные ситуации. Немного отдохнув таким не совсем обычным (для обычных людей) способом, я осторожно взялся за весла и стал понемногу подгребать к правому берегу канала, который теперь мог закончиться (как я был уверен) в любую минуту. Приблизившись к наклонной стене, я почти перестал грести и лишь слегка правил веслами, удерживая лодку на расстоянии в несколько метров от уреза воды. Течение не ослабевало – гладкая каменная поверхность проносилась мимо с прежней скоростью, и мне подумалось, что выбраться здесь наверх очень непросто, а лодку почти невозможно остановить, потому что наклоненные под значительным углом плиты, скорее всего, уходили еще на много метров под воду, и никакой якорь здесь бы просто не смог удержаться. Я ждал более часа, продолжая удерживать дистанцию между берегом и лодкой, следя также за окружающей обстановкой. Канал кончился неожиданно, хотя я и был к этому готов – наклонная стена ушла вправо под почти прямым углом, и лодку сразу понесло в обширный водоем. Что это было: залив или уже само море – в темноте судить было

невозможно. Я налег на весла, достаточно быстро отвел суденышко со стрежня и, преодолевая постепенно слабеющее течение, медленно приблизился к берегу. Минут десять я еще плыл мимо наклонной каменной стены, пока она постепенно не сошла на нет, и ее место занял очень пологий песчаный пляж. Некоторое время я неторопливо греб и мимо него, пока не обнаружил впадающий в море (или его залив) небольшой – шириной в три-четыре метра – ручей. Подобные места мне всегда казались предпочтительнее для стоянки моторной лодки, тем более, что вода в заливе могла быть солоноватой. Осторожно проведя лодку в ручей, я выбрался на низкий берег, взял с носа брошенный туда второпях капроновый фал и привязал его к торчавшей из песка какой-то жуткой коряге. Следом за мной выпрыгнул Адмирал, прошелся вперед-назад принохиваясь и прислушиваясь, а затем стал лакать воду из ручья, которая ему пришлось явно по вкусу. Немного осмотревшись, я снял с себя весь арсенал, разделся и, прихватив из сумки кусок туалетного мыла (хозяйственное, понятно, я не захватил) тщательно выстирал в ручье брюки и рубашку. Поколебавшись немного – Наташа все также крепко спала, а одежда еще должна была хорошо просохнуть – я взял с носового сиденья ее джинсы и блузку, а потом с не меньшей тщательностью постирал и их. Повесив до времени (я собирался сушить все это у костра) мокрые вещи на уже знакомую корягу и, глянув на часы, лежавшие на банке (кормовом сиденье), я занялся физическими упражнениями – сегодня по плану у меня была лишь малая тренировка. Во время пробежки вдоль берега я старался не удаляться от лодки более чем на тридцать – сорок метров, а когда занимался йогой, положил рядом тяжелое ружье и оба пистолета. Вокруг все было, впрочем, пока спокойно – лишь вдали иногда раздавались неясные звуки, перекрывавшие легкий шелест набегающих на песчаный берег волн, редкие крики птиц, и лишь однажды, за три часа моей тренировки, где-то в западном направлении мне послышался далекий свирепый рык. Выполнив всю свою малую программу, я искупался в ручье (вода была довольно теплой) и переоделся во все сухое – в вещевой сумке у меня лежал запасной комплект одежды – брюки и рубашка бежевого цвета. Повесив на широкий кожаный пояс патронташ с крупнокалиберными патронами и тяжелый охотничий нож, я, как обычно, нацепил обе наплечные кобуры с автоматическими пистолетами и сунул за голенище правого сапога еще один нож. Закончив возиться со своим вооружением, я собрал лежавший поблизости сухой плавник, развел хороший костер рядом с корягой, поправил висевшие на ней вещи так, чтобы ничего не загорелось, и занялся приготовлением завтрака. Установив на огонь специальную решетку со складывающимися стойками (я не забыл захватить и ее), я поставил на нее котелок с водой и нашу маленькую сковороду. В одной из мисок развел тесто для оладий: распечатал пакет с мукой, добавил яичного порошка, разрыхлителя, соли и немного сахара. На сковороду налил растительного масла, выложил на нее первую партию оладий, а после в котелок с закипающей водой положил оставшееся сырое мясо, тщательно прополоскав его перед этим в ручье и порезав некрупными ломтиками. Только тогда моя спутница проснулась и приподнялась в лодке, несколько растерянно (как мне показалось в колеблющемся свете костра) поглядывая по сторонам.

– Николай Александрович! – негромко позвала она и, когда я откликнулся, сразу спросила. – Вы, наверное, так и не спали?

– Высплусь позднее! – ответил я, занятый у костра. – Наташа, вы можете искупаться в ручье – похоже, что здесь пока сравнительно безопасно, а потом мы будем с вами завтракать.

Выбрав неподалеку хороший обломок ствола дерева, я положил его у костра, чтобы использовать в качестве сиденья, а потом налил воды в еще одну миску – для кофе – и поставил на огонь, все время прислушиваясь к плеску воды возле лодки – спокойствие этого места не внушало мне особого доверия, и я, как обычно, был настороже. Когда я открыл банку с овощными консервами и разложил ее содержимое по тарелкам, к костру подошла Наташа, закутанная от груди до колен в один из пледов.

– Николай Александрович! – с заметным смущением в голосе сказала она, развешивая на все той же коряге купальник. – Вы постирали мою одежду...

– В противном случае ваши вещи могли бы не высохнуть и до нашего возвращения! – отозвался я, убирая кофе с огня. – Присаживайтесь, Наташа! После еды мне еще предстоит возня с мотором, а потом мы сразу отправимся в путь!

– В такой темноте? – спросила девушка, устраиваясь рядом на бревне и принимая из моих рук тарелку с консервированным овощным салатом, в который я добавил поджаренные накануне ломтики мяса, теперь разогретые мною на сковороде. – А мы очень далеко от «Дредноута»?

– Думаю, не далее двухсот километров, если иметь в виду водный путь, конечно, – проговорил я, разливая кофе по кружкам. – По данным прошлой экспедиции, Агни почти не светил в течение сорока часов, а пока не прошло и двенадцати. Мы не можем задерживаться здесь на такое время, не привлекая внимание местных обитателей, которые, наверное, сильно проголодаются в непривычном мраке...

Несколько минут мы молчали, занятые довольно ранним (для меня) завтраком, потом я приподнялся, чуть передвинул котелок с варящимся мясом – кипело слишком сильно, и добавил в него соли и сухой овощной приправы. Поставив перед спутницей на служащий нам стол другой деревянный обломок, хорошо отшлифованный волнами, тарелку с горкой пышных оладий, я открыл банку со сгущенным молоком.

– Вы были женаты, Николай Александрович? – осторожно поинтересовалась Наташа, внимательно следя за моими действиями.

– А вы как думаете? – чуть улыбнулся я, взяв свою кружку с горячим кофе.

– Мне кажется, что вы были идеальным мужем: внимательным, заботливым, нежным и дети вас, наверное, сильно любили... – задумчиво проговорила девушка. – Вашей жене, конечно, все завидовали...

– Весьма вероятно, что все именно так и выглядело – я как-то никогда не задумывался над этой стороной своей жизни, однако моя бывшая жена отчего-то находила подобную идиллию рядовым явлением, и, хотя до критики дело не доходило, но и слов одобрения мне также слышать не доводилось... – невольно вздохнул я. – Впрочем, все это было очень давно...

– Мужчину ведь обязательно нужно хвалить? – негромко спросила моя спутница после небольшой паузы, когда управилась с парочкой оладий.

– Конечно! – с легкой улыбкой ответил я. – Но только не меня – я давно в этом не нуждаюсь!

– И у вас не возникало желание жениться опять? – задала очередной вопрос моя собеседница, быстро глянув на меня. – Вы же просто созданы для брака!

– Нет, Наташа! – невесело рассмеялся я. – Во мне есть что-то от супермена, а таким мужчинам брак совершенно не подходит! А кроме того, я много работал, часто бывал в разъездах, очень много тренировался, а все свободное время уделял воспитанию детей.

– У вас сын и дочь?

– Да! Дочь – старше вас на три года, сын – на шесть лет, – ответил я, подумав, что девочка в курсе моих семейных дел благодаря Ивану Ильичу... – Мне много лет, Наташа. Правда, я совсем не чувствую их, но это дела не меняет.

– Я бы ни за что не дала вам больше тридцати пяти! – заверила девушка, внимательно глядя на меня. – Николай Александрович... Вам приходилось слышать высказывание: «Если ты мужчина и знаешь, что такое любовь – пожалей меня: не говори «нет»!»

– Разумеется, – сдерживая улыбку, отозвался я, убирая с огня котелок с готовым мясом и прикрывая его герметичной крышкой.

– Эта надпись обнаружена на одной из стен археологами при раскопках Помпеи. Но у нее есть и другие варианты перевода...

Помедлив несколько секунд, я поставил котелок сразу в лодку под кормовое сиденье, рядом с топливными канистрами – привычка к порядку, а после аккуратно сложил в продуктовую сумку все, что использовал для приготовления пищи. Посуду мы с Наташей вместе вымыли в ручье, и я также все сразу тщательно уложил в футляр и сунул его под одно из сидений. Подбросив в костер дров и передвинув развешанные для просушки вещи на коряге, я занялся мотором. Моя спутница пристроилась рядом на баллоне лодки, и я, заметив, что она так и осталось босиком (как сидела у костра – мой недосмотр), сразу поставил перед ней резиновые сапоги, которые лежали здесь же, на корме. Девушка обреченно вздохнула, покачала головой и принялась обуваться. Тем временем я снял колпак с мотора, вывернул свечи и проверил искру на обоих цилиндрах. Здесь все было в порядке, и тогда я промыл всю топливную систему, включая карбюратор и насос, а потом, продув цилиндры, проворачивая двигатель ручным стартером, установил свечи на место и укрепил на них колпачки высоковольтных проводов. На этот раз двигатель завелся со второй попытки, и я, дав ему немного поработать на средних оборотах (шуму и дыма было изрядно), нажал на кнопку «стоп».

– Мы сейчас поедem? – спросила Наташа.

Ответить я не успел – раздались какие-то странные квакающие звуки и следом медвежий рык Адмирала. Рванув правой рукой из левой кобуры пистолет, я выстрелил навскидку по едва различимому за костром темному силуэту величиной с хорошую лошадь. Раздался протяжный оглушительный визг, и какое-то существо рухнуло прямо в костер, подняв целый сноп искр, а потом забилося среди углей и еще горящих поленьев. Справа и слева тотчас послышались ответные квакающие голоса, бешено залаял Адмирал (что случалось нечасто), а к нам метнулось сразу с полдюжину неясных стремительных теней. Двоих справа я встретил тремя пулями каждого, и они замертво рухнули лишь в нескольких метрах от лодки. Выхватив левой рукой второй пистолет, я полудюжиной выстрелов почти в упор уложил еще двоих: один из них, отброшенный тяжелыми пулями, упал в ручей сразу за лодкой, а другой уткнул страшную морду с длинными мощными челюстями, полными острых зубов, в песок прямо у ног моей спутницы (Наташа вскрикнула, подскочила и мгновенно оказалась в лодке). Пятый обратился в бегство, и я подстрелил его уже за костром – этот, получив пулю в гребенчатую спину, рухнул на песок и тоже стал кататься по нему с пронзительным визгом. Теперь в ответ раздался свирепый чудовищный рев – даже мой отважный пес на мгновение замолчал – и следом послышалась тяжелая поступь, от которой, похоже, задрожала земля. Сменив магазины пистолетов и дослав патроны в стволы, я сунул оружие в обе кобуры и потянулся за крупнокалиберным ружьем. Снова раздался страшный рев, и рычавший, ошестившийся Адмирал сразу прижался к моим ногам, а потом я увидел метрах в двадцати правее костра едва различимый в красноватом мраке массивный продолговатый силуэт размером с трехэтажный дом. В это мгновение мне почему-то вспомнился один из моих любимых книжных героев – охотник на львов и слонов, которому случалось, защищая себя, стрелять в темноте, почти не видя мушку на стволе собственного ружья... А еще я сразу понял, что такого колосса не свалишь даже несколькими пулями весом в девяносто граммов, и действовать нужно будет иначе...

– Держите Адмирала, Наташа! – крикнул я и отбежал на несколько шагов вправо.

Девушка наклонилась из лодки и послушно ухватила пса за шкуру, а я пробежал еще с десяток шагов. Чудовище сразу заметило меня и немедленно шагнуло в мою сторону, тут же сократив расстояние между нами на несколько метров. В темноте я разобрал огромные челюсти, размером с хороший диван и длинные кинжаловидные зубы (каждый больше моего любимого ножа с клинком в тридцать сантиметров длиной). Монстр сделал еще один громадный шаг, и я выстрелил шесть раз подряд (все содержимое подствольного магазина), передегивая скользящее цевье и отступая после каждого выстрела на шаг (отдача была очень сильной), прямо в голеностопный сустав гигантской когтистой лапы. Исполин издал очередной оглушительный рев (после выстрелов ружья четвертого калибра он уже не показался таким громким),

в котором мне почудились боль и изумление, а потом медленно завалился на бок и стал скрести здоровой трехпалой лапой по песку, пытаясь подняться. Бегом вернувшись к остаткам костра, я сдернул висевшие на коряге вещи, подскочил к лодке, бросил одежду и ружье в нее, оттолкнув суденышко от берега (Адмирал сразу запрыгнул в лодку), заскочил сам и схватился за весла. Несколькими сильными взмахами я вывел лодку из ручья и погнал ее вдоль берега, постепенно удаляясь от него. Через пару минут я остановился, вынул правое весло из уключины и сунул его в воду, пробуя достать дно. Однако это мне не удалось – глубина оказалась более двух метров. Тогда я перебрался на кормовое сидение (весло положил вдоль борта так, чтобы можно было в любой момент взять его для проверки глубины), поднял лежащее здесь помповое ружье и, вытаскивая по одному крупнокалиберные патроны из патронташа на поясе, полностью снарядил подствольный трубчатый магазин – оружие здесь всегда должно было быть наготове... Отложив ружье, я прислушался – оглушительный рев на берегу перешел в злобный, но менее громкий рык.

– Этому повезло больше – есть шанс поправиться, тем более, что вода и пища прямо под носом... – спокойно констатировал я (недавняя свирепая атака местных хищников как-то даже не вывела меня из себя), а потом перевел взгляд на свою спутницу, сидевшую на носу – вид у нее был не слишком бодрый. – Вы чем-то расстроены, Наташа?

– Нет, все в порядке! – отозвалась девушка, и по ее тону я сразу догадался, в чем дело. – Не обращайтесь внимания...

Запустив двигатель, я включил передний ход и осторожно прибавил обороты – плавание под мотором в темноте не слишком приятная вещь и требует предельного внимания. Правда, сейчас резкий контраст между водой и светлой песчаной полосой пляжа несколько облегчал ориентировку, но я, тем не менее, решил до времени ограничиваться средними оборотами двигателя.

III

Через несколько километров песчаный берег стал постепенно уклоняться на юг, и теперь стало окончательно ясно, что мы находились в обширном морском заливе, лежащем за пределами района, исследованного предыдущей экспедицией. Придерживаясь средней скорости около двадцати километров в час, я время от времени сбрасывал обороты до минимальных и промерял веслом дно (вот где пришлось пожалеть, о том, что я пренебрег ручными эхолотами) – глубина, впрочем, везде превышала двухметровую длину весла, и можно было без опасений двигаться на прежнем расстоянии от берега. Моя спутница, все еще закутанная в плед (так и не успела одеться), перебралась с носового сиденья на дно лодки, прислонилась к теплому баллону и, кажется, задремала. Причины резкой смены настроения девчонки для меня не были загадкой: та легкость, с которой я разделался с напавшими на нас местными хищниками (никогда до этого не увлекаясь охотой), была немедленно перенесена ее богатым воображением на мир людей. . . Впрочем, для меня было куда более важным не ее отношение ко мне, а то, что она совершенно не пострадала на протяжении последних сумасшедших суток. Через час с небольшим, огибая низкий песчаный мыс и сильно снизив скорость из опасения наскочить на мель, я с удовлетворением обнаружил, что берег далее резко поворачивает на запад – теперь, без сомнения, мы вышли в само Восточное море. Поколебавшись несколько минут, я решил удалиться от береговой линии на пару километров, где можно будет не следовать ее изгибам и двигаться на гарантированно большой глубине, а нужное направление удерживать с помощью компаса. Приподнявшись, я взял вещевую сумку, расстегнул молнию одного из карманов (всегда знал, что где у меня лежит) и вытащил наручный компас со светодиодной подсветкой. Застегнув кожаный ремешок на правом запястье, я направил лодку на запад и стал понемногу прибавлять ход, постепенно отдаляясь от берега (Восточное море располагалось вовсе не строго с востока на запад). Через несколько минут я взял градусов на пять-семь правее и прибавил обороты двигателя до максимально возможных в обкаточном режиме, продолжая внимательно следить за окружающей обстановкой – видимость на воде была несколько лучше, нежели на суше, но все равно не превышала двадцати-тридцати метров. Разумеется, никаких ориентиров для оценки скорости на глаз здесь не было, но я предполагал (исходя из собственных наблюдений сделанных еще при ярком свете), что она близка к тридцати километрам в час. В некоторой степени о скорости моторной лодки можно судить и по характеру кильватерной струи, которая, впрочем, является довольно индивидуальной для каждого типа судов, а значит, требует предварительных специальных наблюдений и замеров, но я, понятно, не делал их и не мог теперь ориентироваться на особенности пенного следа за кормой. Теплый встречный ветерок, легкое покачивание лодки на длинных очень пологих волнах и ровный гул мотора действовали усыпляюще – Адмирал, растянувшийся у моих ног, уже давно не поднимал головы, а Наташа на носу лишь пару раз пошевелилась, устраиваясь поудобней. Несколько раз и я, несмотря на весьма жесткий самоконтроль, ощущал небольшие (длительностью в несколько секунд) провалы в сознании. В таких случаях, если есть возможность, лучше всего остановиться и хорошо отдохнуть, чтобы не подвергать дополнительному риску себя и пассажиров, вот только в нынешних условиях я не мог позволить себе такую роскошь, как сон. . .

Более двух часов я вел лодку в прежнем режиме, лишь время от времени снижая обороты (как того требовала обкатка) двигателя ниже средних, а потом стал брать чуть правее прежнего курса, чтобы приблизиться к берегу – по моим подсчетам, устье реки Ледниковой теперь уже могло находиться неподалеку. Завидев прямо по курсу какую-то неясную тень, я резко взял еще правее, и через секунду вдоль левого борта с глухим шелестом (пройдя вплотную к баллону) пронесся большой черный предмет треугольной формы, а спустя мгновение сильный удар в

районе кормы отбросил лодку в сторону. Адмирал мгновенно вскочил и зарычал, оглядывая взволнованную огромным телом поверхность воды вокруг нас.

– Что это было? – громко спросила, приподнимаясь, Наташа, перекрикивая шум двигателя.

– Пустяки! – отозвался я, возвращая лодку на прежний курс. – Рыбка проплыла...

– Такая большая? – слегка ошеломленно поинтересовалась моя спутница, двумя руками сразу пытаясь поправить свои пышные волосы.

– Достаточно большая! – снизив обороты до средних, сказал я, стараясь разглядеть в багровом мраке береговую полосу. – Метров десять...

Очередной очень неприятный удар приподнял мотор вместе с транцевой доской, и двигатель сразу взвыл, резко набрав обороты. Я убрал газ до минимума, выждал мгновение и прибавил снова – лодка не тронулась с места, а двигатель вновь стал набирать большие обороты. Выключив мотор, я откинул его на упор и глянул за корму – винт был на месте, но заметно переместился на гребном валу. Очевидно, был срезан штифт гребного винта – пустяковая поломка, но прямо на плаву, из лодки, сменить его было невозможно. Внимательно оглядев темную поверхность воды вокруг и не обнаружив ничего угрожающего, я взял весло и попытался достать им дно – ничего из этого не вышло.

– Что-то серьезное? – уже обеспокоенно спросила Наташа, пересаживаясь с пайола на носовое сиденье. – Вам помочь...

Она запнулась, поняв неуместность подобного вопроса и я, вставляя в гнездо уключину весла, невольно улыбнулся в темноте.

– Нет, спасибо, справлюсь сам, – после небольшой паузы ответил я, усаживаясь на среднее сиденье. – Работа веслами и ремонт лодочных моторов – не для хорошеньких девчонок, тем более, когда рядом находится сильный умелый мужчина...

– Кажется, это второй комплимент с вашей стороны, Николай Александрович, – заметила девушка, поднимая со дна лодки свою одежду (собственные вещи я уже положил в сумку), а потом добавила чуть изменившимся голосом. – Если не считать того случая, когда вы назвали меня на редкость привлекательной девчонкой после своего неожиданного поступка...

Взяв направление по компасу (строго на север), я направил лодку в сторону предполагаемого берега. Наше суденышко пару раз качнулось – Наташа за моей спиной начала одеваться. Время она, на мой взгляд, выбрала для этого не самое удачное – любой толчок – и можно оказаться за бортом, но я промолчал – не кутаться же девчонке в плед до нашего возвращения... Управилась она за несколько минут, а потом, что-то поискав в своей сумке, устроилась на носовом сиденье и стала расчесывать (это я определил по звуку) свои замечательные волосы.

– Мои вещи словно кто-то пожевал! – заметила девушка, продолжая свое занятие. – Я все время хотела спросить вас, Николай Александрович... Вы часто стираете верхнюю одежду, но ваши брюки и рубашка всегда выглядят отутюженными... Можно подумать, что у вас есть походный утюг!

– Есть! – подтвердил я, наконец, позволяя себе оглянуться – во мраке прямо по курсу стала выступать сплошная стена тростника. – По возвращении я продемонстрирую вам этот агрегат и даже научу им пользоваться.

Смерив глубину в очередной раз, я обнаружил, что она не превышает половину лопасти весла – что-то около тридцати сантиметров. Дно оказалось илистым, но не слишком вязким, и я осторожно ступил за борт, а потом развернул лодку кормой к себе (это было проще, чем обходить ее). Вытащив из-под кормового сиденья пластиковый ящик с инструментами, я взял из него плоскогубцы, молоток, выколотку и новый штифт (с рук пришлось стянуть перчатки). Действуя почти вслепую, я отогнул усики штифта и вытащил последний из отверстия на колпачке гребного винта. Потом осторожно взял колпачок, положил его на кормовое сиденье (ронять что-либо было недопустимо!) и лишь потом снял гребной винт, чуть повернув его

на валу. Убрав винт и плоскогубцы в лодку, я, едва различая остатки штифта в гребном валу, несколькими точными ударами молотка по выколотке выбил их из отверстия, выпрямился и чуть повернул лодку, чтобы бросить инструменты в ящик. В этот момент что-то обвилось вокруг моей правой ноги, и почти сразу последовал сильный рывок. Едва устояв, я с большим усилием поднял ногу из воды и разглядел на фоне темно-коричневого сапога более светлое щупальце толщиной с мою руку. Не задумываясь, я сразу стукнул его молотком (который все еще держал в правой руке), целясь туда, где оно проходило через каблук. От очередного рывка я чуть не упал, а Наташа, почувствовав неладное (я не оборонил ни слова), бросилась на корму.

Выронив молоток, я опять, преодолевая сопротивление неизвестного существа, поднял ногу из воды, выдернул из-за голенища сапога тяжелый нож и режущим движением отсек щупальце у каблука. В нескольких метрах от кормы тут же забурилась вода, а потом что-то тяжелое стало бить по ее поверхности, поднимая тучи брызг, и сидевший до того спокойно Адмирал сразу свирепо зарычал. Сунув нож в ножны и ногой найдя молоток, я опустил руку в воду (рукава рубашки были закатаны), подхватил его и передал своей спутнице. Потом, осторожно ступая по топкому дну, отвел лодку метров на двадцать в направлении нашего маршрута и только после этого быстро установил гребной винт на место. Присев на кормовой баллон, я немного поболтал ногами в воде, чтобы освободить сапоги от налипшей на них грязи – не тащить же ее за собой – и лишь потом забрался в лодку.

– Вы меня сильно напугали! – призналась Наташа, перебираясь на свое место, и с легким упреком добавила. – И даже не попросили меня помочь!

– Я всегда рассчитываю лишь только на себя, – отозвался я, берясь за весла. – А здесь даже и опасности почти не было – обычное мелкое происшествие в пути...

Моя молоденькая спутница лишь тяжело вздохнула в ответ на эти слова... Несколько минут я греб вдоль зарослей тростника, а потом, померив глубину и обнаружив, что она заметно возросла, завел мотор. Сначала на малых оборотах, а потом и на средних, я осторожно повел лодку вблизи берега (удерживая дистанцию в десять-пятнадцать метров) и периодически проверяя глубину веслом, которое опять держал под рукой. В течение ближайшего часа обстановка не менялась, и Адмирал, вновь растянувшись у моих ног, в который раз за последнее время погрузился в сон. Наташа поначалу еще крепилась, а потом опять перебралась с сиденья на пайол... Постепенно сплошная стена тростника стала ниже, в ней появились просветы, и скоро ее сменила довольно широкая (как мне показалось в этой темноте) полоса песка. Некоторое время я продолжал вести лодку вдоль нее, все так же внимательно следя за обстановкой. Толкнув каблуком сапога пластмассовую канистру, служащую топливным баком, я обнаружил, что она почти пуста. Теперь у нас оставалось тридцать литров топлива – примерно на шесть – семь часов хода в обкаточном режиме. Глубина начала уменьшаться, и мне пришлось несколько отдалиться от берега, который, впрочем, скоро повернул на север. Пройдя немного в этом направлении, я сбросил обороты до минимума, включил «нейтраль» и на пару минут задумался: похоже, что это и было устье реки Ледниковой, дальнейшая часть которой на расстоянии нескольких десятков километров представляла собой большое заболоченное озеро. Решив окончательно убедиться в том, что мы находимся именно там, где нужно, я решил добраться до противоположного берега и вновь включил передний ход, взяв направление строго на запад. Ждать пришлось недолго – через две-три минуты во мраке показалась низкая песчаная полоса. Осторожно подведя лодку к ней, я выключил мотор, помедлил еще пару минут и, внимательно вглядываясь в темноту, выбрался на песок. Адмирал сразу вскочил и последовал за мной, а потом подняла голову и Наташа. Я подал ей руку, помогая сначала подняться, а потом и перешагнуть упругий надувной баллон.

Мы постояли несколько минут в молчании, оглядываясь по сторонам. Кругом была тишина, лишь в отдалении слышался неясный одинокий птичий голос, где-то, тоже не слыш-

ком близко, треснул сучок, а потом что-то прошелестело в густых зарослях, которые начинались выше по реке метрах в двадцати от нас.

– А ведь они были здесь... – шепнула моя спутница. – Купались, ловили рыбу, готовили на костре... Просто не верится...

– Ну что же, мне тоже не верится, что я затащил молоденькую девчонку в такие места! – невольно улыбнулся я.

– Со мной, наверное, очень много хлопот? – негромко спросила Наташа, чуть коснувшись моего плеча. – И никакой пользы...

– Это не совсем так! – легко рассмеялся я. – Своим присутствием вы скрашиваете мою суровую жизнь!

– Вы шутите, Николай Александрович! – довольно серьезно заметила моя собеседница. – А мне кажется, теперь вы ни за что не возьмете меня в такие поездки!

– Знаете, Наташа, – отозвался я, вновь внимательно оглядываясь по сторонам. – Мне очень хочется доставить вас на борт «Странника» такой же красивой и здоровой...

– Чтобы потом выдать замуж за богатого рохлю! – весьма удачно закончила мою фразу девушка, привычно прислоняясь к моему плечу. – Вы не подумали, что я предпочту этому бедность? А замуж соглашусь выйти лишь за красивого, смелого, сильного и умного мужчину!

– Уверен, что вы достойны этого, – несколько рассеянно (уже думая о небезопасном плавании в темноте по незнакомой реке) сказал я. – Вот только таких мужчин очень немного, и можно не дожидаться подобной встречи за всю жизнь...

– Если учесть, что она уже произошла... – вполне серьезно проговорила моя спутница и, чуть поколебавшись, добавила. – И я ему, кажется, ужасно нравлюсь!

– Рад за вас, Наташа! – с очередной улыбкой проговорил я, поддерживая эту девчоночью игру. – Я вполне понимаю его и даже немного завидую!

Мы помолчали минуту-другую, прислушиваясь к далеким неясным звукам где-то далеко в чаще местного тропического леса и редким всплескам воды на широкой глади реки-озера, пока я не предложил своей спутнице выпить по чашке кофе (время было за полдень, если учитывать привычный для нас распорядок), на что девушка тут же согласилась, выразив также желание съесть что-нибудь моего приготовления. Собрав плавник, я развел в паре метров от лодки небольшой костер и поставил кофе, а для Наташи разогрел мясной бульон, приготовленный на прошлой стоянке, выложив мясо на отдельную тарелку. Кажется, все получилось, как всегда, достаточно вкусно – моя спутница опять ела с большим аппетитом, а я ограничился лишь несколькими конфетами и чашкой черного кофе – есть мне совсем не хотелось, да ко всему еще все больше волновала предстоящая поездка вверх по реке.

– Нам еще долго ехать? – поинтересовалась моя спутница, принимая из моих рук горячую чашку с кофе. – После такой еды меня, наверное, теперь опять потянет в сон...

– Часа четыре или даже пять... – проговорил я в раздумье, оценивая возможную протяженность маршрута и допустимую среднюю скорость движения (не больше двадцати – двадцати пяти километров в час). – Так что спите спокойно, Наташа, и не пугайтесь, когда столкнетесь с очередным приключением.

– Вы меня уже напугали! – призналась девушка и, оглянувшись на лодку, тут же спросила. – Можно мы с Адмиралом на этот раз поменяемся местами? Мы весим примерно одинаково.

Конечно, я не возражал (как, впрочем, и мой пес) против такой перестановки, и, когда мы вымыли посуду и убрали все в сумку, Адмирал по моему приказу послушно улегся перед носовым сиденьем, под которое я сразу сунул весь наш багаж за исключением ружей и патронов. Для Наташи перед средним сиденьем я положил на пайол оба пледа, а чуть правее (у своих ног) разместил оба ружья, предварительно тщательно осмотрев их. Потом я проверил все, что вообще можно было проверить: от топливного шланга, который я переключил на вторую кани-

стру, и затяжки струбцин двигателя, до своих пистолетов, патронташа на поясе и двух ножей. Пока моя спутница устраивалась на своем импровизированном мягком сиденье, я с некоторым сожалением оглянулся на оказавшийся довольно гостеприимный (обошлось без стрельбы) берег и, оттолкнув лодку от влажной полосы песка, заскочил в нее сам. Мотор завелся с третьей попытки, и я сразу дал передний ход, а через несколько секунд чуть добавил обороты, как всегда внимательно следя за обстановкой.

IV

Первые несколько минут, двигаясь на малом ходу, я внимательно прислушивался к работе двигателя – большая часть обкатки была позади, и его звук стал более низким. На слух все казалось совершенно нормальным, и я стал, как обычно, плавно прибавлять обороты, успев на ходу пару раз померить глубину веслом (дна достать не удалось), которое опять положил рядом. Метров через триста – четыреста прямо посреди широкого русла мне удалось разглядеть во мраке небольшой островок заросший тростником, хвощами и, кажется, папоротниками. Взяв правее, я почти сразу обнаружил слева подобный островок, а потом прямо по курсу раздался сильный всплеск, перекрывший гул мотора, работающего на оборотах ниже средних, и сразу последовал сильный удар в днище. На носу мгновенно вскочил Адмирал, а Наташа, сидевшая теперь совсем близко, встревоженно глянула на меня. В нескольких метрах за кормой сильно забурлила вода, и какое-то огромное животное стало быстро нагонять лодку. Я прибавил обороты, но наш преследователь тоже поплыл быстрее, и мне пришлось дать почти полный газ (ограничитель все равно не давал возможность развивать максимальные обороты). Лодка было рванулась вперед, но мотор внезапно сбросил обороты и едва не заглох, а по характеру его звука и почти полной потере упора, я понял, что на винт намотались водоросли. Тогда, переводя ручку газа на средние обороты, я быстро нажал на рычаг запорного устройства и рывком откинул мотор так, чтобы редуктор целиком показался из воды. Двигатель взвыл, а намотавшиеся на гребной винт водоросли сразу полетели во все стороны, и я через несколько секунд вернул мотор в рабочее положение. Наше суденышко немедленно стало набирать ход, но что-то успело с силой ткнуться в правый кормовой баллон. Глянув за корму (внешне все было в порядке), я опять хорошо прибавил обороты – движение на малых скоростях, похоже, здесь было довольно опасным делом. Почти интуитивно выбирая путь на скорости около двадцати километров в час, лавируя между островками и мелями, где прямо из воды торчали хвощи и тростник, я через десяток минут вывел лодку в более глубокое и просторное место реки – озера. Здесь можно было рискнуть двигаться еще быстрее, и я начал прибавлять газ, все также внимательно следя за обстановкой. Спустя четверть часа этот более-менее открытый участок реки закончился, и мне вновь пришлось осторожно маневрировать среди островков, снизив скорость. Несколько раз на гребной винт опять наматывались водоросли, и я был вынужден прибегнуть все к тому же методу – откидывать мотор на средних оборотах. Дальше болотистые и сравнительно открытые участки реки стали с удивительным постоянством чередовать друг друга, и я часа через полтора потерял им счет. За это время с островов при нашем приближении в воду трижды бросались какие-то крупные животные, во всех случаях ухитрившись хорошими толчками подбросить лодку и откинуть мотор на упор – благо штифт гребного винта ни разу не пострадал, и я почти сразу, вернув двигатель в рабочее положение, ставил суденышко на прежний курс, пока за кормой плюхался и фыркал едва различимый во мраке очередной монстр. Раза четыре или пять над нами проносились с неприятными резкими криками местные летучие создания размером с хорошего гуся, а однажды пролетел настоящий гигант с размахом крыльев (как мне удалось разобрать), превышающим длину нашей лодки, и я даже ощутил ветер, поднятый огромными крыльями. Разумеется, теперь ни Адмирал, который теперь почти все время сидел и напряженно оглядывался по сторонам, ни Наташа, также выглядевшая очень встревоженной, уже не дремали – в такой обстановке им стало не до сна, да еще я время от времени закладывал такие крутые виражи, объезжая какую-нибудь корягу или просто подозрительное место, что мой верный пес, будучи не в силах удержаться на гладком пайоле, просто валился с боку на бок. Спустя некоторое время я начал чувствовать сильную усталость, внимание стало рассеиваться, от не слишком-то удобной позы вполоборота заняло все тело и особенно левая рука, которой я, по давней привычке с юности, держал румпель

мотора. Но остановиться на отдых было негде – всюду лишь вода, топкие берега и сплошные заросли хвоей на них. Мы плыли дальше, и я постоянно старался сосредоточиться на нашем водном пути – от меня теперь зависело слишком многое. Сбросив обороты ниже средних, я на мгновение выпустил румпель и поднес левую руку к глазам, стараясь разглядеть циферблат часов. Это мне удалось, и я обнаружил, что время приближается к пяти часам пополудни, а реке – озеру все также не было конца.

Постепенно (на протяжении примерно пятнадцати – двадцати километров) характер берегов начал меняться: они стали заметно выше, и местами за чащей тростника можно было различить высокие силуэты растений, напоминавшие деревья. Убрав газ до минимума в очередной раз, я осторожно повел лодку в нескольких метрах от берега и скоро обнаружил довольно просторную лужайку, поросшую низкой густой травой. Здесь я и решился на долгожданную остановку – тихо подвел суденышко ко все еще топкой влажной полоске земли, выключил мотор, быстро поднялся, прихватил помповое ружье и, пройдя на нос мимо Адмирала (который немедленно последовал за мной), шагнул через борт на незнакомый берег. Внимательно оглядевшись по сторонам (мой пес также напряженно прошелся по берегу, прислушиваясь и принюхиваясь), я вытянул лодку наполовину из воды и подал руку Наташе, которая тоже засиделась за эти несколько часов. Кругом было тихо и спокойно, поэтому я решился отойти от лодки (приказав Адмиралу оставаться рядом с моей спутницей) и подняться на небольшую возвышенность, где обнаружилось, что мы находимся на верхней части очередного острова. Мне бы следовало хоть немного отдохнуть и выпить пару чашек кофе (меня уже мучило при мысли о нем – последний раз я пил кофе в таком количестве года три назад при сходной ситуации), но уже через несколько минут в темноте неприятно запели крылышки очень крупных комаров – и о длительной остановке пришлось забыть.

– Меня кто-то укусил! – держась за шею, пожаловалась Наташа, когда я вернулся к лодке.

Я жестом пригласил девушку занять свое место на корме (Адмирал сразу запрыгнул в носовую часть), столкнул суденышко в воду, заскочил сам и, взявшись за весла, отгреб от берега метров на тридцать-сорок, где можно было не опасаться скорого нашествия летучих насекомых, по крайней мере, в ближайшие несколько минут.

– Давайте осмотрим ваш укус! – сказал я, доставая из сумки походную аптечку и пересаживаясь на корму.

Моя спутница откинула с шеи свои пышные волосы и чуть сдвинула воротничок блузки. На гладкой нежной коже обнаружилась заметная припухлость – местные комары были вдвое крупнее тех, что встречались на территории России. Распечатав упаковку стерильной ваты, я выбрал пузырек с борным спиртом и, сделав небольшой тампон, немного полил на него этой жидкости.

– Если почувствуете усиливающуюся боль или головокружение – сразу говорите! – предупредил я девушку, прикладывая ватку к ее шее.

– Вы так и не отдохнули, Николай Александрович! – заметила моя спутница, придерживая тампон и устраиваясь поудобней.

Горячий мотор завелся с первого рывка, я дал передний ход и, придерживая румпель, опять потянулся к своей сумке. Наташа, не задавая лишних вопросов, приподнялась и подтолкнула ее ко мне. Расстегнув молнию одного из боковых карманов, я вынул на этот раз портативную морскую рацию во влагозащищенном корпусе. Включив прибор, я послал вызов и чуть прибавил обороты – в этом месте уже начало обнаруживаться слабое течение. Ответа не последовало – радиус действия рации не превышал двенадцати – пятнадцати километров, а мы почти наверняка находились гораздо дальше. Правда, в исключительных условиях связь возможна и на больших расстояниях, поэтому я подождал еще немного, не торопясь увеличивать ход.

– Слушаю! – вдруг раздался едва различимый на фоне легкого журчания воды и сопения мотора чуть хрипловатый голос моего заместителя. – Говорите!

– Здравствуй, Иван Ильич! – отозвался я и, глянув на Наташу, улыбнулся ей в окружающей нас темноте. – Рад тебя слышать! Потерял?

– И не говорите, Николай Александрович! – с заметным волнением заговорил Огнев. – Просто места себе не нахожу... Как там у вас – все в порядке? Наталья Андреевна как?

– Все нормально, Иван Ильич! И красавица наша цела – невредима! – ответил я, поглядывая на девчонку. – А у тебя там как дела?

– Порядок, Николай Александрович! С места так и не успели тронуться! – доложил мой заместитель. – Все живы – здоровы, слава Богу! Дежури́м по двое... Вы-то далеко еще? Сейчас же фонарь на крышу поставлю.

– Километров сорок, я думаю, – проговорил я, вглядываясь в какое-то слабое движение на воде прямо по курсу лодки и чуть поворачивая румпель. – Жди через пару часов.

Закончив разговор, я немного прибавил обороты и укрепил рацию на своем широком кожаном поясе слева от патронташа (справа висел нож). Потом сунул лежащую рядом на сиденье аптечку в сумку, застегнул молнию и толкнул последнюю под среднее сиденье – все должно находиться на своих местах, особенно в экстремальных ситуациях.

– Почему Иван Ильич все время зовет меня по имени-отчеству? – чуть изменившимся голосом (ответ, похоже, знала и сама) поинтересовалась Наташа. – Он ведь в два с лишним раза старше...

– Держит приличествующую дистанцию с возможной будущей хозяйкой... – с улыбкой ответил я, собираясь закончить фразу легкой шуткой, но это мне не удалось.

Секундой позже прямо через низкий правый борт на нас кинулось какое-то крупное животное. Не рассчитав сил, оно на мгновение задержалось, навалившись массивным корпусом на баллон лодки, которая сразу опасно накренилась на этот борт, а потом двинулось дальше... Я успел разглядеть огромную бугристую голову с короткой широкой мордой и пасть с рядами острых зубов. Раздался медвежий рык Адмирала, вскрикнула и вскочила Наташа, едва не упав за борт – я поймал ее за руку (еще до того оказавшись на ногах), с силой ударил каблучком по мерзкой морде чудовища, которое от неожиданности остановилось и даже заскользило в воду по гладкой поверхности баллона, и вторым, еще более сильным ударом ноги сбросил незваного гостя с лодки... Чуть пригнувшись, я сразу добавил обороты до средних и потянул свою спутницу за руку вниз, приглашая сесть на место. Наташа, опасливо поглядывая вокруг, передвинула пледы и села прямо у моих ног – подальше от борта. Ощетинившийся Адмирал еще несколько минут стоял на носу, внимательно осматривая темную воду, пронесившуюся мимо борта, но потом успокоился и улегся на пайол. Через несколько минут, удачно избежав встречи с огромной корягой, плывущей навстречу, и обогнув заросшую хвощами отмель, я стал понемногу прибавлять газ, решив по возможности избегать дальнейших остановок, которые зачастую оканчивались довольно опасными происшествиями...

В течение следующего часа все вокруг оставалось спокойным и даже русло реки заметно раздвинулось, мели стали появляться реже, а течение немного усилилось. От этого однообразие и ровного гула мотора меня вновь (как еще на море) начало почти непреодолимо клонить в сон. Наташа, немного придя в себя после очередного потрясения, вернулась на прежнее место, прислонилась к левому баллону и, похоже, опять задремала, ее примеру последовал и Адмирал, так что я вновь оказался один на один с рекой... Проверив канистру, служащую топливным баком, я обнаружил, что осталось не более десяти литров горючего – на пару часов хода в установившемся сейчас режиме. Если за это время мы не достигнем цели, то придется в который раз за сегодняшний день братья за весла и готовиться к новым неожиданностям... Чуть приподнявшись, я постарался устроиться на жестком сиденье поудобней – лодка слегка качнулась и чуткий Адмирал сразу вскинул голову. Внимательно осмотревшись по сторонам, он

положил ее на лапы вновь, а я повторил неудачную попытку сесть получше. Мне вдруг вспомнилось, как в студенческие годы я однажды гнал моторную лодку по глухой сибирской реке пятнадцать часов подряд, останавливаясь лишь на считанные минуты, чтобы сменить канистры, служащие топливными баками для двигателей (лодка была двухмоторной). Правда, та моторка была оборудована мощными фарами, жесткой рубкой, мягкими сиденьями (креслами) и дистанционным управлением, а сидеть за штурвалом в сравнительно удобной позе было куда легче, чем теперь, наполовину развернувшись влево...

Минут через двадцать мне почудилось в этом багровом мраке, что со стороны правого борта лодки (левый берег реки) в основное русло впадает большой приток. Я решил сильно снизить скорость, подойти ближе и почти сразу узнал место, где мы свернули с реки Ледниковой на левый приток. Похоже, что наш опасный круиз близился к концу – отсюда до плота оставались считанные километры. Осторожно прибавив обороты и внимательно следя за слабо различимой поверхностью воды, я вернул лодку на прежний курс, держась посередине русла. Скоро вдали показался голубоватый огонек – кемпинговый фонарь, установленный на крыше «Дредноута». С каждой минутой он становился заметно ярче, но я все также настороженно следил за обстановкой – очередное происшествие сейчас было бы совсем некстати. Тем временем огонек заметно переместился – наверное, мой заместитель, заслышав шум мотора, перенес фонарь на корму, где было теперь единственное место, пригодное для причаливания лодки. Приблизившись к нашему плавучему дому, я сбавил обороты до минимальных, тихо провел лодку вдоль его борта и, оказавшись у кормы, выключил двигатель, после чего быстро поднялся, шагнул на нос и бросил сложенный на сиденье капроновый фал своим людям, столпившимся на кормовой платформе. Причальный конец поймал Володя и сразу довольно ловко (время, проведенное в экспедиции, шло ему явно на пользу) подтянул лодку к плоту. Осторожно (чтобы не испугать после всех приключений) коснувшись плеча Наташи, которая успела довольно крепко уснуть, я, прихватив ружья и сумки, шагнул через борт лодки прямо на корму плота.

– Заставили же вы нас поволноваться, Николай Александрович! – заявил мой заместитель, пытаясь мне помочь (я отмахнулся). – Знал, конечно, что с таким молодцем ничего не может случиться и Наталья Андреевна словно у Христа за пазухой, но все равно беспокоился.

Положив имущество на палубу, я оглянулся: Адмирал выскочил из лодки следом, а Наташа помедлила, глядя на протянутые ей руки почти всех участников экспедиции. Ступив назад, я деликатно отодвинул добровольных помощников и подал руку девчонке сам – она сразу воспользовалась моей помощью и через мгновение тоже оказалась на кормовой платформе. Огнев, державший фонарь, довольно ухмыльнулся, наблюдая за этой картиной, но, поймав мой взгляд, сразу сделался серьезным.

– Ну, докладывай, Иван Ильич, что тут у вас творится! – сказал я, оглядывая своих подчиненных – благо, что весь состав был налицо.

– Да все хорошо, Николай Александрович! – с готовностью ответил Огнев и, посмотрев на довольные бородатые лица мужиков (как видно волновался не он один), хитро добавил. – Вот только питаемся без вас всухомятку – одними копченостями...

– Ладно, будет вам сегодня хороший ужин! Вот только отдохну немного – спать совсем не пришлось! – отозвался я, забирая с палубы сумку и ружья, а потом, задержавшись на мгновение у кормового входа в наш плавучий дом, негромко сказал. – Даже не представляете себе, мужики, как я рад видеть вас всех живыми и здоровыми!

Разбойничьи физиономии моих подчиненных немедленно посветлели от улыбок, и они все разом дружно заговорили, пытаясь одновременно объяснить, как они переживали за меня и Наташу, но я лишь отмахнулся и прошел в свою «каюту». Они еще постояли немного снаружи, вполголоса переговариваясь и расспрашивая мою спутницу, а потом затихли и осторожно (я все равно слышал каждого) прошли по бортам в носовое помещение. Взяв с полки другой кемпинговый фонарь, я включил его и поставил на столик. Потом осмотрел ружья и повесил их

на вбитые в мягкую древесину стены колышки рядом с одеждой; разложил на свои места вещи из сумки; снял с себя весь арсенал, разделся и, наконец, прилег на лежанку, выключив фонарь.

V

Через час с небольшим я проснулся (мой организм всегда очень быстро восстанавливал силы), приподнялся и сел на топчане. Несколько минут провел в некотором раздумье, а потом взял с полки над столиком (всегда знал, где что у меня лежит и темнота была для этого не помехой) механическую бритву – у меня чистая, гладкая кожа на лице, и даже суточная щетина очень заметна. Потом я оделся, привел в порядок свою густую шевелюру, как всегда, нацепил на себя весь свой неизменный арсенал и направился в наш «кубрик», служащий одновременно и «кают-компанией». Пройдя через склад, чтобы не тревожить дежурных на носу и на корме, я появился в довольно ярко освещенном большим фонарем, который стоял на обеденном столе, помещении. Наташа как раз заканчивала рассказ о наших приключениях, и получилось это у нее совсем неплохо, если судить по почти мертвой тишине в «кубрике». Едва я оказался на пороге, как мои подчиненные, удобно расположившиеся кто на лежанках, а кто на скамьях у стола), сразу повскакивали со своих мест.

– Что за переполох? – тут же поинтересовался я. – Неужели я стал таким грозным начальником?

– Это мы из уважения, Николай Александрович! – рассмеялся мой заместитель, освобождая мне место за столом рядом с Наташей и почти сразу добавил. – Ну и из осторожности, конечно.

– Ладно, рассказывайте, как у вас дела с охотой и рыбалкой, – распорядился я, присаживаясь к столу.

– С рыбалкой плохо в темноте – доктор, бедняга, совсем заскучал, – сказал Огнев, садясь напротив меня. – А вот с охотой... Как темнеть начало, к нам прямо на крышу село несколько больших птиц, на вид вроде гусей, только раза в два крупнее будут. Добыли четыре штуки, ощипали, выпотрошили, теперь ждут опытных рук...

Тушки птиц висели на перекладине у входа – снаружи их разместить не решились из-за летучих насекомых. Едва глянув на эти охотничьи трофеи, я распорядился немедленно поставить на огонь сразу два больших котла с водой, а доктору и своему заместителю (они лучше всех управлялись с разделкой дичи) срезать мясо с костей птицы, отделяя по возможности и субпродукты. Василия я поставил к нашей походной мясорубке – он сразу перекручивал на фарш подготавливаемую мясную нарезку, а сам замесил крутое пельменное тесто, добавив в муку соль, яичного порошка и немного сахара. Обрезанные кости птицы сразу стали складывать в котлы с закипающей водой – за этим присматривал Володя. Пока готовилась первая партия фарша (в которую я тут же добавил сухую овощную приправу и соль), я расстелил на плахах стола пищевую полиэтиленовую пленку и на ней стал раскатывать тесто нашей походной скалкой. Для формирования сочной я воспользовался одной из стальных кружек – будущие пельмени, конечно, обещали быть здоровенными, размером с манты, но и народ у меня был не мелкий, да и время позднее, чтобы слишком долго возиться со стряпней... Когда была готова первая партия фарша, а в котлах бурно кипели кости птиц с остатками мяса на них, я поручил Наташе раскладывать начинку на сочни, а сам занялся лепкой пельменей – в этом деле по скорости со мной еще с детства могли сравниться очень немногие, и все, кто наблюдал сейчас за этой картиной только глазами хлопали, а моя помощница лишь качала головой, едва успевая класть фарш.

– Как с рыбой-то в море, Николай Александрович? – ловко (даже смотреть было приятно) пластая тушку птицы на краю стола, спросил доктор.

– Да рыбы там полно – вовек не переловить! – отозвался я и добавил с улыбкой. – Ты вот только, Олег Сергеевич, пятки не вздумай подставлять, как здесь делаешь – вмиг отхвоят!

– А что за зверь-то на вас напал, Николай Александрович? – задал вопрос и Володя, стоя в дверном проеме (он приглядывал за котлами). – Наташа сказала, что он был размером с пятиэтажный дом...

– Твоя сестра, Володя, несколько преувеличила! – заметил я, глянув на девушку, которая сразу улыбнулась мне. – Рост этого чудовища, я думаю, не превышал трехэтажный дом, и походило оно на спинозавра-переростка.

– А когда на вас напала целая стая хищников... – не унимался наш юнга. – Вы правда за три секунды застрелили больше двадцати зверюг?

– Мне отчего-то запомнилось, что их было не больше полудюжины... – невольно рассмеялся я и, снова посмотрев снизу вверх (я лепил пельмени, сидя за столом, а девушка раскладывала начинку стоя) на свою помощницу, добавил. – А вы отличная рассказчица, Наташа!

– Просто я видела все это немного по-своему... – слегка смутившись, проговорила она.

– А когда светло-то будет, Николай Александрович? – вступил в разговор и дежуривший на носу Петр, заглянув в «кубрик».

– Завтра после обеда, думаю... – отозвался я, добавляя все ингредиенты в новую порцию фарша. – Так что наберитесь терпения.

– Значит, завтра и тронемся дальше, Николай Александрович? – спросил Огнев, упрямившись с последней тушкой. – Или постоим денек, пока двигатель не приспособим? Там, ниже, течения вроде бы уже и нет!

– Двинемся послезавтра! – решил я. – Завтра, Иван Ильич сходишь с Василием на охоту... Только давай без приключений! А ты, Олег Сергеевич, постарайся натаскать побольше рыбы – дальше будет что-то вроде заболоченного озера, и с рыбалкой, скорее всего, возникнут проблемы уже до самого моря. Возможно, нам также сутки или даже больше будет негде пристать, поэтому, помимо мяса и рыбы, сделаем хороший запас топлива.

Когда большая часть пельменей была готова, я переложил примерно с сотню на импровизированный лоток (из широкой доски, покрытой полиэтиленовой пленкой), вынес его из кубрика к нашему камбузу, находящемуся под носовым навесом, и мы с Наташей забросили эту первую партию в кипящий костный бульон. Через несколько минут мы также заполнили и второй котел. Оставив Володю наблюдать за варкой и помешивать по мере необходимости (чтобы изделия не прилипли ко дну или, всплыв по готовности, не залили бульоном огонь), я взялся лепить оставшиеся пельмени, поручив своей помощнице развести сухое сливочное масло.

– Куда внутренности-то девать, Николай Александрович? – спросил Василий, глядя на лежавший в малом котле ливер.

– Сварим после пельменей в оставшемся бульоне! – без особых раздумий отозвался я. – Завтра приготовлю вам из них паштет.

Быстро наведя порядок на столе, доктор и Огнев расставили тарелки, а я, прихватив шумовку и один из малых котелков, отправился доставать готовые пельмени из обоих котлов. Через несколько минут посередине кухонного стола появился полный до краев котелок с дымящимися пельменями. Первыми за стол я посадил Сергея, Василия (Петр и Александр дежурили), доктора и Огнева – все они пожелали есть пельмени с наваристым бульоном, так что уровень жидкости в котлах заметно понизился. Пока они управлялись с первой партией, подошла вторая, и я успел забросить последнюю – третью.

Чтобы не томить наших «вахтенных», им принесли полные до краев миски с пельменями прямо на их «посты» (после каждый дважды просил добавки). Наконец, освободившись (в последнем котле варился теперь ливер), за стол сел сначала Володя, а потом и мы с Наташей.

– А я-то, чудак, мечтал поесть ваших пирогов, Николай Александрович! – объявил доктор, накладывая очередную полную тарелку пельменей и подливая черпаком бульон (один из котлов я поставил прямо на стол). – Готов пожертвовать половиной жалованья – лишь бы вы кормили нас также и на борту «Странника».

– Да, иначе мы там здорово отошаем! – немедленно подхватил эту тему мой заместитель, тоже не забывая о добавке. – Мне-то казалось, что у нас на судне хороший кок...

– Действительно, ужасно вкусно! – заметила Наташа, сидевшая рядом со мной (она, как и я, предпочитала пельмени со сливочным маслом). – Никогда не ела ничего подобного!

– Разве кто-то сомневался? – поинтересовался я, пробуя свои изделия.

– Нет, конечно! – снова заговорил доктор (это блюдо сделало его необычайно разговорчивым), на секунду отвлекаясь от третьей порции. – Знали, что будет вкусно... Но это же просто шедевр... Поэма!

– Это ты хорошо сказал, Олег Сергеевич! – одобрительно кивнул мой заместитель, помедлил немного и добавил себе еще. – Можешь, если захочешь.

– Ладно, управляйтесь без меня! – сказал я, откладывая вилку и поднимаясь (все сразу перестали есть и подняли головы). – Пойду отдыхать... Увидимся завтра!

– Самочувствие-то в порядке, Николай Александрович? – привставая, спросил Огнев.

– Все нормально! – успокоил всех я. – Просто устал очень...

Наташа было хотела проводить меня, но я отказался – до моего помещения несколько метров, а на то, чтобы стоять на пороге и болтать с девчонкой у меня уже не было сил. Спросил лишь напоследок: кормили ли собак, и, получив положительный ответ, ушел к себе. На пороге своей каюты я обнаружил спящего Адмирала – он также был все еще сыт – в теплом климате собаки, подобные ему, питаются через день, съедая за раз по несколько килограммов мяса. Прикрыв за собой неуклюжую дверь, я разделся и улегся на свой топчан, укрывшись легким полушерстяным одеялом. Уснул я почти сразу – сказала сильная усталость, но проснулся (обычное для меня дело) от малейшего шороха: слышал и как примерно через полчаса прошла к себе Наташа, и как немного позднее меняли дежурного на корме.

Поднялся я часов в семь по привычному для всех нас суточному режиму. Сделал небольшую пробежку по песчаному островку, окаймленному зарослями тростника, возле которого по-прежнему стоял «Дредноут», а потом выполнил все остальные упражнения на крыше нашего плавучего дома – усталость все еще давала о себе знать, и мне пришлось ограничиться сегодня малой (трехчасовой) тренировкой. Приняв душ в кабинке установленной на корме, где теперь использовались в качестве резервуаров для воды тщательно промытые канистры из под топлива, я привел себя в порядок, оделся и потом около часа провозился со своим гардеробом (при свете кемпингового фонаря): что-то чистил, а что-то гладил своим небольшим походным утюгом разогреваемым сухим горючим. Также осмотрел и почистил ружья и пистолеты, а потом все разложил по своим местам, за исключением своего арсенала бывшего всегда при мне. Наконец, услышав разговоры и шаги в «кубрике» – время шло к обеду, я направился туда. Тем временем вокруг заметно посветлело, а когда мы с Володией развели огонь и поставили варить пшеничную кашу, в «кубрике» уже выключили фонарь – он стал не нужен. Сваренный вечером ливер тщательно перекрутили на мясорубке, я добавил в него остатки бульона, соли, приправы и сливочного масла, после чего все тщательно перемешал. Пока доходила каша, я на трех сковородках напек целую гору оладьей (из бездрожжевого теста), а потом занялся приготовлением салата – зелень стояла здесь же, в «кубрике», в пищевом ведре с водой. В это время появилась Наташа и поздоровалась со всеми. Я оглянулся на девушку и увидел, что сегодня она одета не совсем обычно для наших условий – в голубой джинсовой юбке классического кроя, длинной чуть выше колен и также голубой (почти в тон), уже знакомой мне, блузке.

– Джинсы сильно пострадали, Наталья Андреевна? – сразу догадался Огнев.

– То, что от них осталось, придется сохранить для экстренных случаев, – вздохнула Наташа, сразу принимаясь помогать мне.

– Затрудняюсь даже сказать, что вам больше идет! – заметил мой заместитель. – Во всем хороша!

Через несколько минут мы сели за стол. Мои подчиненные немедленно воздали должное папшету с оладьями, а я ограничился лишь салатом и кашей – мясные блюда мне совсем не хочется употреблять каждый день. Пока длился обед, снаружи стало совсем светло, и можно было приниматься за запланированные на сегодня дела. Доктор, едва выпив чаю, отправился с удочками на нос, мой заместитель, тоже только встав из-за стола, сразу организовал мужиков перегнать наш плавучий дом к левому берегу реки, чтобы без проблем набрать дров и сходить на охоту, а Наташа с Володей принялись наводить порядок на столе и мыть посуду. Немного проследив за теми и другими – в моей помощи сейчас никто особо не нуждался – я прошел к себе, присел на лежанку и занялся путевым дневником. Записать предстояло многое – последние двое суток были просто переполнены событиями, хотя я и понимал, что едва ли кому-нибудь в будущем придется читать мой дневник – разве что отыщется такой же отчаянный путешественник и искатель приключений... С четверть часа я заполнял страницы своим мелким четким почерком, а потом, глубоко задумавшись, еще столько же сидел с дневником на коленях, разглядывая (и не видя) серые стены из бархатного дерева вокруг. В открытый дверной проем заглянула Наташа.

– Можно к вам, Николай Александрович? – чуть поколебавшись, спросила она.

– Да, конечно! – сразу отозвался я и немного подвинулся. – Присаживайтесь!

Девушка, сбросив кроссовки, с ногами забралась на лежанку, а потом устроилась поудобней (подвернув сбоку ноги) и прислонилась к моему плечу.

– Вы уже закончили? – поинтересовалась она. – Можно с вами поговорить?

– Об обещанном еще на «Страннике» обновлении вашего гардероба? – улыбнулся я. – Займемся сразу, как установим мотор – его генераторные катушки дают подходящий ток для электропривода швейной машинке. Только для начала мы с вами ограничимся лишь пошивом нескольких юбок – брюки или шорты нам пока будут не под силу.

– Мне кажется, что это лучший вариант! – улыбнулась в ответ моя собеседница. – Мы же теперь будем жить в тропическом климате и на берегу моря... Кстати, у меня есть еще одна юбка, но, боюсь, вы не разрешите мне ее носить.

– Настолько откровенная? – машинально спросил я, глянув в узкое окно, затянутое противомоскитной сеткой – наш плавучий дом уже стоял у левого берега реки.

– Облегающая и длиной лишь до середины бедра, – чуть смутившись, проговорила девушка. – Наверное, можно ходить только при вас.

– Чтобы спровоцировать очередной неожиданный поступок? – снова улыбнулся я.

– Нет, конечно, – рассмеялась Наташа, и ее щеки заметно порозовели. – Но теперь я бы отнеслась к этому иначе.

– Влепили бы затрещину? – поинтересовался я.

– Ничего подобного! – снова засмеялась моя собеседница (тема нашего разговора была ей явно по душе). – Кому угодно, конечно, но только не вам.

– А ведь вы уже однажды пытались меня поколотить! – заметил я, чувствуя, что меня самого не в меру увлекает болтовня с молоденькой девчонкой. – И даже чуть-чуть не подстрелили!

– В первую минуту вы показались мне таким избалованным молодым богатым красавчиком-бездельником! – весело проговорила Наташа, удобно положив голову мне на плечо. – А с вами еще два здоровенных мужика – неудивительно, что я испугалась!

– Когда же вы изменили свое мнение? – спросил я, чувствуя почти непреодолимое желание зарыться лицом в ее замечательные волосы.

– Почти сразу: вы так ловко ушли от ружья, небрежно отмахнулись от меня, аккуратно уложили на землю, а потом еще и помогли подняться... – чуть задумчиво отозвалась моя собеседница, беря меня за руку и уже привычно переплетая наши пальцы. – Но все равно, как-то

трудно было даже поверить, что бывают такие аккуратные ухоженные мужчины без участия женских рук...

В дверной проем осторожно заглянул мой заместитель, одобрительно кивнул, увидев нас вместе (Наташа никак не отреагировала на его появление), а потом весьма деликатно кашлянул...

– Ты вроде на охоту отправился, Иван Ильич! – сказал я, внимательно глядя на Огнева. – Что-то я выстрелов не слышал... Случилось опять чего?

– Да хотелось, чтобы вы сами взглянули, Николай Александрович! – непривычно серьезно сказал мой заместитель.

– Тут рядом... В двух шагах от берега...

– А мне можно? – сразу спросила Наташа.

Уже поднявшись и потянувшись за тяжелым ружьем, я оглянулся на девчонку, выразительно посмотрел на ее белые круглые колени и покачал головой.

– Я надена резиновые сапоги! – с готовностью предложила она.

– Там тихо-мирно все, Николай Александрович! – осторожно (чтобы не попало от начальника за вмешательство) проговорил Огнев. – Да и трава совсем невысокая...

– Ладно, обувайтесь, Наташа! – невольно вздохнул я.

Мы вышли на кормовую платформу, откуда были сброшены сходни – бортовые проходы теперь были сплошь перекрыты стенами из тростника, сошли на влажный песок, где стоял, поглядывая по сторонам, с самозарядным ружьем в руках Василий, около минуты подождали Наташу (за которой немедленно последовал и Адмирал), а потом все вместе поднялись на довольно высокий, но пологий песчаный берег и оказались на не слишком большой (площадью, наверное, в несколько сотен квадратных метров) поляне, заросшей густой невысокой травой. Выше и ниже по течению реки вдоль берега за полосой тростника росло множество незнакомых мне деревьев, среди которых слышались крики обезьян и птиц, а прямо перед нами, за небольшим перелеском из невысокого кустарника, расстилалась необъятная саванна с высокой травой, где вдали бродили целые стада каких-то животных.

– Здесь, Николай Александрович! – сказал мой заместитель, оказавшийся чуть впереди, и указал себе под ноги.

Привычно оглядевшись по сторонам, я подошел к нему, следя за тем, чтобы Наташа держалась рядом, и увидел чуть выступавшее из земли днище дюралевой моторной лодки, со всех сторон окруженное густой травянистой порослью... Постояв минуту-другую в раздумье, я снова внимательно осмотрелся – справа в десятке метров находилось небольшое возвышение, также сплошь покрытое травой.

– Здесь рядом еще одна! – нарушил молчание Огнев. – Может быть, откопать?

– Не стоит! – покачал головой я. – Это старые мотолодки российского производства – «Прогресс-2». Скорее всего, они были перевернуты для осмотра и ремонта днища перед дальней дорогой...

Помедлив еще несколько минут, я направился к подозрительному возвышению, привычно держа тяжелое ружье наготове. Мои люди сразу последовали за мной, тоже постоянно озираясь по сторонам, впрочем, Адмирал вел себя спокойно, и можно было не опасаться неожиданного нападения... Подойдя совсем близко к непонятному образованию, я несколько раз ткнул носком сапога его край у самого основания, и почти сразу из-под слоя песка выступили края полусгнивших нетолстых бревен.

– Давай-ка сюда мужиков с лопатами, Иван Ильич! – сказал я своему заместителю, который даже головой покачал от неожиданности. – Думаю, что у них здесь был склад и, скорее всего, временное жилье... Да захвати фонарь!

– Значит, после той экспедиции здесь были и другие люди, Николай Александрович? – негромко спросила Наташа, коснувшись моей руки.

– Похоже, что так... – в задумчивости проговорил я, оглядывая контур занесенного песком (примерно, четыре на семь метров в плане) старого сооружения. – Но этим ребятам, видимо, повезло еще меньше, чем экспедиции Ольховского.

Тем временем подошел Огнев в сопровождении Петра и Володи – Александр и Сергей были на дежурстве, а доктора пока не стоило отвлекать от рыбалки. Василий передал ружье нашему юнге и, взяв одну из принесенных лопат, вопросительно посмотрел на меня. Я указал на сторону засыпанного песком сооружения, которая была обращена к перевернутым лодкам. В несколько минут оба мужика (к Василию сразу присоединился и Петр со второй лопатой) откинули сравнительно легкий грунт берегового вала от полусгнившей стены грубо сработанного сооружения, по центру которой обнаружились ворота размером примерно два на два метра, запертые изнутри. Последнее обстоятельство привело мужиков в замешательство: они переглянулись и одновременно уставились на меня. Я шагнул вперед и прямым ударом ноги сломал внутренний засов – одна створка осталась на месте, а другая слетела с петель (ворота раскрывались наружу) – Василий сразу отставил ее в сторону.

– Иван Ильич, посветишь мне! Держись справа, а ты, Вася, слева! Смотрите под ноги – здесь могут быть змеи! – распорядился я и, оглянувшись на свою помощницу, добавил. – И покойники, конечно...

Агни теперь сиял в полную силу (на его оранжевом диске практически не было заметно темных пятен), и от этого вход в старое полуподземное сооружение казался почти черным. Однако, стоило нам ступить вовнутрь, как эта иллюзия исчезла – в помещении царил полумрак и через пару минут фонарь уже не понадобился, тем более, что Василий сразу отодвинул (с жутким скрипом) вторую створку ворот. Почти сразу мы увидели стоящую слева (почти вплотную к стене) кормой вперед еще одну дюралевую мотолодку, на транце которой находился подвесной лодочный мотор «Вихрь-30Р». Лодка была оборудована жесткой рубкой заводского изготовления со сдвижными бортовыми стеклами из плексигаласа, распашными дверями со стороны кормы, мягкими креслами в салоне и стояла на специальных колесах, плотно прикрученных к бортам, где находились соответствующие гнезда и усилительные элементы корпуса. Я осторожно обошел это так хорошо знакомое мне судно – точно такая же лодка (только с двумя моторами и некоторым дополнительным оборудованием) находилась в ангаре моего загородного дома, как память о юношеских годах... За прошедшие двадцать – тридцать лет вся палуба, крыша рубки и небольшой кормовой кокпит покрылись толстым слоем мелкого песка, а шины полностью спустили воздух – колеса стояли на ободах.

– «Прогресс-4»... – прочитала надпись, расположенную вдоль борта у кормы, Наташа, державшаяся позади меня. – Вы плавали на такой, Николай Александрович...

Она не договорила – чуть правее лодки лежали два человеческих тела, также сплошь засыпанные песком. Я осторожно обнял девчонку за плечи (чего обычно не позволял себе делать), рассудив, что подобная поддержка будет весьма кстати – моей помощнице и без того хватило впечатлений за последние дни. Впрочем, Наташа отнеслась к мертвецам достаточно спокойно – благо, что тела были скрыты слоем песка.

– Плавал... – с некоторым опозданием ответил я, оглядывая остальную часть помещения – у правой стены находился целый штабель картонных ящиков с консервами и почти все упаковки полопались, а множество вздувшихся от давления газов жестяных консервных банок валялось на земле. – Осторожнее!

Мой совет запоздал – Василий наступил на одну из таких банок, и она взорвалась под его сапожищем словно бомба, брызнув во все стороны дурно пахнущей жидкостью... Мужик от неожиданности подпрыгнул и ударился головой о бревенчатый потолок (высота здесь была не более двух метров) – пара подгнивших лесин сразу треснула, и сверху просыпалось немного песка – хорошо, что перекрытие было выполнено в два наката...

У дальней стены мы увидели ряды пластиковых канистр с топливом – что-то более сорока штук; я определил объем каждой из них (по памяти прошлых лет) в двадцать пять литров. Прямо перед этим запасом горючего стояли в положении для хранения (опираясь на заднюю ручку поддона и край антикавитационной плиты) еще два тридцатисильных «Вихря», а также несколько ящиков с запчастями и инструментами.

– Гляньте-ка, Николай Александрович! – позвал меня откуда-то из правого дальнего угла помещения мой заместитель.

Обойдя покойников, я подошел к Огневу, и он поднес фонарь (здесь было довольно темно) к груде небольших мешков из темной (там, где с них осыпался песок), на вид очень плотной ткани. Рукой в перчатке я было приподнял один из мешочков и сразу положил его обратно – он весил больше двухпудовой гири. Наклонившись, я развязал узел веревки стягивающей горловину мешка, сунул в него руку и сразу вынул тяжеленный блестящий ярко-желтый (что было хорошо видно даже в синеватом свете фонаря) камень размером с кулак. Держа его в руках, я носком сапога несколько раз ткнул остальные мешочки, пытаюсь сдвинуть один с другого, чтобы оценить их количество.

– Это самородное золото, Иван Ильич! – наконец сказал я и даже вздохнул (я прибыл сюда не за этим). – Здесь, похоже, около тонны...

Несколько минут мы постояли в молчании над этим неожиданным кладом, потом я, сунув самородок обратно в мешочек, подошел к засыпанным песком телам.

– Наташа, не хотите ли подышать свежим воздухом? – спросил я девушку, не желая, чтобы она видела покойников.

– Я не испугаюсь, Николай Александрович! – заверила она меня. – Насмотрелась с детства ужасиков.

Конечно, это был не фильм ужасов – в реальности все выглядит гораздо страшней, но я не стал приказывать девчонке выйти и носком сапога осторожно перевернул тело. Наташа ахнула и поспешила к выходу, следом ринулся и Василий, кашляя на ходу – мы остались с Огневым вдвоем. Под наполовину разложившимся, наполовину мумифицировавшимся телом обнаружилась двустволка двенадцатого калибра и стрелянные папковые гильзы рядом с ней. Внимательно осмотрев труп, мы обнаружили, что у него отсутствовала кисть левой руки... Поколебавшись немного, мы перевернули и другое тело – здесь обнаружилось сильное повреждение плечевого сустава – на кости были видны весьма характерные следы больших острых зубов... Выйдя наружу, мы постояли еще несколько минут в молчании, находясь под впечатлением от давней трагедии, разыгравшейся когда-то здесь... Потом я глянул на своего заместителя и неторопливо, еще обдумывая детали, произнес:

– Лодку надо выкатить и спустить на воду, Иван Ильич! Глянешь в рубке: где-то в бортовых нишах должен быть ручной насос мопедного типа – накачает колеса, а потом на воде снимите их и разместите на складе. Два других мотора вместе с запчастями тоже перенесете туда. Топливо разместите частью в кубрике, частью – в моем помещении...

– Старый бензин-то, Николай Александрович! – как всегда осторожно заметил Огнев. – Движки не потянут...

– Эти моторы потянут на всем, что горит! – отмахнулся я. – Случалось уже, ездил на тридцатилетнем бензине по виду похожим на кисель...

– А что делать с золотом, Николай Александрович? – еще более осторожно поинтересовался мой заместитель. – Оставить, как есть?

– Бери и его! – невольно поморщившись, проговорил я. – Мертвым оно уже не понадобится... Осмотрите все еще раз внимательно, обнаружите что-нибудь – докладывайте.

Помедлив немного, я вернулся в старое ветхое сооружение и глянул на корму лодки сразу под транцевой доской: пробка сливного отверстия была на месте (на моей памяти не одна лодка наполнилась водой из-за забывчивости водителей на этот счет – благо, что блоки плавучести не

дали им утонуть). Потом, пройдя дальше, я сдвинул бортовое стекло, заглянул внутрь рубки и забрал с подушки водительского сиденья толстую общую тетрадь в твердой обложке, а потом, заметив еще какой-то увесистый мешочек из «чертовой кожи», прихватил и его.

VI

В своей «каюте» я положил мешочек на столик, присел на кушетку и открыл взятую из рубки мотолодки тетрадь. Как я и предполагал, это был дневник руководителя погибшей здесь экспедиции, которая первоначально имела состав из шести человек. В тетради, помимо ежедневных путевых заметок, имелись также данные о расходе топлива, продовольствия и боеприпасов, а также весьма неплохие зарисовки местности и схемы (использовалась глазомерная съемка) пройденного пути. Земли Ольховского эти люди достигли, используя старую самоходную баржу (трудно даже представить, как они маневрировали на ней среди ледовых полей), на которую были погружены три моторные лодки, значительное количество топлива, продовольствия (большей частью – просроченные консервы с военных складов, подлежащие уничтожению), легкий гусеничный трактор (давно списанный за непригодностью), трое тяжелых саней и куча всякого хлама, приобретенного за бесценок (в основном – даром). Баржа была оставлена в удачно обнаруженном удобном заливе Земли Ольховского, перегруженные до предела лодки поставлены на сани, которые соединили в единую сцепку и потащили трактором-развалюхой со скоростью десять – двенадцать километров в час. Участникам этой невероятной авантюры поначалу даже везло, если не считать постоянных поломок (два – три раза за день) трактора – они обнаружили очень пологий подъем на хребет Северный, расположенный западней того, что открыла экспедиция Ольховского. В течение недели они миновали весь пояс льдов и вышли у самых истоков реки Ледниковой. Здесь они нашли что-то вроде ледяного грота или пещеры, где оставили сани, трактор, запасы солянки и еще кое-какой груз. Дальше эти отчаянные золотоискатели двинулись самосплавом на перегруженных выше всяких норм мотолодках, экономя горючее. На третий день водного пути произошла первая трагедия: путешественники вздумали отметить день рождения одного из участников экспедиции, выпили сверх меры (в списках продовольствия фигурировала двадцатипятилитровая канистра с питьевым спиртом), потом улеглись спать, а после пробуждения недосчитались виновника торжества. . . Поиски ничего не дали – скорее всего, его утащил какой-нибудь крупный хищник (собак с собой взять золотоискатели не пожелали, сочтя их лишним грузом). После этого случая были приняты все необходимые меры предосторожности: исключили ходьбу в одиночку, спать ложились только в лодках, поверх многочисленной поклажи, и всегда оставляли дежурного. Часть пути прошла без особых происшествий: ближе к устью реки Ледниковой на сравнительно удобном сухом песчаном берегу соорудили просторный прочный бревенчатый склад, предназначенный также служить и временным жильем, оставили часть грузов, одну из моторных лодок и двинулись дальше. Там, где течение реки сошло на нет, запустили один из «Вихрей», оборудованный самодельным грузовым редуктором и гребным винтом с пониженным шагом, а вторую лодку взяли на буксир. Шли на малых и средних оборотах в водоизмещающем режиме, экономя горючее – мотор все равно не смог бы вывести на глиссирование даже одну из перегруженных лодок, а добавление газа в таких условиях вело лишь к повышенному расходу бензина. На подходе к Восточному морю произошла вторая трагедия: сильный толчок в днище сбросил беспечно сидевшего на носовой палубе человека с лодки – в месте его падения сразу забурила вода, и на ее поверхности он больше не появился. Переезд через море прошел сравнительно благополучно – неприятности путешественникам причиняли лишь целые острова из водорослей вблизи южного берега (они не догадались использовать мой способ очистки гребного винта и рубили водные растения ножами, опасно перегнувшись через транец). Золотоискатели не стали останавливаться на песчаном пляже напротив устья реки Ледниковой, а двинулись вдоль южного берега на восток и, примерно километров через пятьдесят, обнаружили очень удобный для длительной стоянки мелководный залив с пышной растительностью на берегах и источниками пресной воды в виде нескольких ручьев. Здесь они построили хижину из тростника,

соорудили каменный очаг, а лодки разгрузили и вытащили на берег. Затем обработали небольшой участок земли – отчистили от местных растений, вскопали его и высадили огородные культуры (томаты, огурцы, зеленый лук, редис и еще кое-какие корнеплоды, способные формировать клубни в тропическом климате). Окончательно обустроившись (им, как и нам, предстояло провести здесь целый год), члены экспедиции занялись осмотром ближайших утесов.

Почти сразу им удалось найти богатую жилу из чистого самородного золота очень высокой пробы (схожую с той, что обследовали люди Ольховского), и они взялись за ее планомерную разработку, заранее решив, что ограничатся лишь тонной благородного металла – даже это количество вывести отсюда было весьма проблематично. Действовали без лишней суеты, оставляя время на охоту, рыбалку и огородничество, а также несколько раз совершали сравнительно длительные (по две – три недели) экскурсии, когда на одной из лодок, а когда пешком. Сведения, впрочем, об этих поездках и походах оказались изложены довольно туманно, а отметок на рукописной схеме (за основу которой была взята все та же карта профессора Ольховского) не было вовсе. В конце года во время одной из таких экскурсий один из участников, сорвавшись со скалы, получил открытый перелом голени и вскоре умер от влажной гангрены. Оставшиеся в живых золотоискатели нагрузили лодки самородками, бросили почти все свое имущество (вес добытого золота составлял более тонны, а грузоподъемность одного «Прогресса-2» не превышала пятьсот килограммов) и отправились в обратный путь, планируя сделать длительную остановку в построенном ими год назад складе на реке Ледниковой. На этом записи обрывались, и о судьбе последнего участника этой экспедиции (тела двоих мы обнаружили) оставалось лишь только догадываться...

Закрыв тетрадь, я несколько минут сидел в раздумье и не сразу отозвался (а лишь кивнул), когда заглянула Наташа и опять попросила разрешения войти. Осторожно перебравшись через Адмирала, который разлегся на пороге, моя помощница уже без лишних церемоний привычно устроилась с ногами на моей лежанке и, как всегда, прислонилась к моему плечу.

– Я не слишком назойлива? – поинтересовалась девушка. – Вы же любите побыть один?

– Прежде очень любил! – легко рассмеялся я, отвлекаясь от невеселых мыслей о трагическом финале экспедиции золотоискателей. – Но вы, Наташа, как-то очень легко приучили меня к своему милому обществу...

– Разве это плохо? – спросила она, торопливо поправляя сбившуюся юбку – в коридоре послышались шаги (мое присутствие девчонку, похоже, не особенно смущало). – Чувствовать в ком-то потребность?

– Это путешествие рано или поздно закончится, – мягко заметил я. – И нам предстоит расстаться...

– В этом есть необходимость? – быстро глянув на меня, очень серьезно спросила девушка. – Вы связаны какими-то обязательствами?

С ответом мне пришлось повременить – в дверной проем на этот раз заглянул Володя, остановился в нерешительности, посмотрев сначала на сестру, а потом и на меня. Я кивнул ему, и тогда он несколько смущенно произнес:

– Извините, Николай Александрович... Все ваши распоряжения мы выполнили, а лодку привязали к корме «Дредноута»... Доктор очень много рыбы наловил – Иван Ильич просит уху, а на охоту предлагает сходить завтра, пока вы будете заняты...

– Ладно, будет уха! – согласился я. – Организуй-ка, Володя, чистку рыбы и поставь тесто для лепешек! Справишься?

– Постараюсь! – ответил наш юнга и отправился выполнять очередное поручение.

– Вы можете помочь брату, Наташа, – поднимаясь с лежанки, сказал я. – Мне же надо подготовить один из моторов.

– А вы не ответили, Николай Александрович! – довольно настойчиво заметила моя собеседница. – Этот вопрос я задала не из праздного любопытства!

Невольно вздохнув, я покачал головой, а потом, глянув на мешочек, так и лежавший на столике, решил все же взглянуть на его содержимое, хотя и без того представлял, что там находится... Развязав кожаный шнурок, я осторожно высыпал чуть постукивавшие друг о друга камешки на стол. На грубо обработанных досках появилась внушительная горка темно-зеленых кристаллов в виде шестиугольных призм, одно основание которых заканчивалось плоской гранью, а другое имело неровный скол – видимо, здесь оно было выломано из материнской породы. Мне пришлось снова присесть на скамеечку у столика и тщательно осмотреть драгоценные камни. Я насчитал более трех десятков кристаллов весом в четыреста-пятьсот карат каждый, и все они были исключительной красоты и прозрачности – наверное, более девяноста процентов объема любого из них можно было смело отнести к высокому ювелирному качеству...

– Это изумруды? – удивленно спросила Наташа. – Такие большие.

– На мой взгляд, к вашим глазам больше подойдут голубые бриллианты, – с невеселой улыбкой заметил я, осторожно складывая камни в мешочек. – Надеюсь, вы позволите сделать вам такой подарок по возвращению, хотя и станете к тому времени достаточно богатой девушкой. Что касается вашего вопроса... Никаких обязательств такого характера у меня нет. А теперь давайте-ка займемся делами, Наташа!

Девчонка радостно улыбнулась и без промедления подставила мне щечку для поцелуя. Я было собрался лишь чуть прикоснуться губами, но как-то непроизвольно получился весьма звучный поцелуй, который почти наверняка слышал дежурный на корме... Моя помощница отправилась принимать участие в организации ужина, а я вытащил на корму тот самый «Вихрь», на котором был установлен грузовой редуктор.

Первоначально я слил сильно загустевшую смазку из редуктора, тщательно промыл последний топливной смесью и залил свежее трансмиссионное масло из наших запасов. Потом промыл (также топливной смесью) всю топливную систему, камеры сгорания и свечи зажигания. Данный двигатель был уже оборудован вполне современной бесконтактной системой зажигания, заметно облегчающей ручной пуск и генераторными катушками, позволяющими снимать мощность около сорока ватт при напряжении в двенадцать вольт (особый штепсельный разъем имелся на поддоне рядом со штуцером для топливного шланга) через встроенный выпрямитель. С помощью Сергея, который дежурил на корме, я осторожно установил почти пятидесятикилограммовый мотор на наш самодельный транец, хорошо затянул трубки подвески, а потом подключил к нему канистру со старым бензином, воспользовавшись одним из наших запасных шлангов (все штатные топливные шланги этих моторов пересохли и окаменели так, что пришлось положить их в емкость с бензином для размягчения). Подкачав с помощью «груши» на шланге топливо до заполнения поплавковой камеры карбюратора, я опять прибегнул к помощи Сергея, поручив ему дергать пусковой шнур. Двигатель завелся примерно с двадцатой попытки и сразу оглушительно взревел на стартовых оборотах, пуская целые клубы синего дыма, а вокруг дейдвуда забурлила вода... Убрав газ, я дал ему поработать несколько минут, а потом, распорядившись втащить сходни, включил передний ход и немного увеличил обороты. Первые несколько секунд ничего не происходило – лишь звук работающего мотора стал глуше, а потом наш плот медленно и нехотя тронулся с места. Чуть добавив газ, я осторожно развернул «Дредноут» по большой дуге и подвел его к все тому же песчаному островку, окруженному тростниковыми зарослями. Немного поэкспериментировав, я обнаружил, что оптимальные обороты лежат в пределах двух с половиной – трех тысяч в минуту – в этом случае плот двигался со скоростью неторопливого пешехода (около пяти километров в час) и сохранялся приемлемый расход горючего – шесть – семь литров в час. Закончив возню с мотором и откинув его на упор, я отправился в наш кубрик, чтобы заняться окончательным приготовлением ужина. Тем временем, Сергей и Александр поставили плот на наш импровизированный якорь, а на островок спустили сходни.

К моему приходу помощники начистили уйму рыбы, а тесто сильно поднялось. Поставив Володю печь лепешки сразу на трех сковородках, я взялся готовить в десятилитровом котле тройную уху (на тройном бульоне). Это заняло чуть больше часа, а когда варилась последняя (третья) партия рыбы я добавил в котел сушеного картофеля, овощные приправы и в последний момент – зеленый лук. На пару с Наташей мы приготовили неизменный салат, а потом я водрузил в центр стола котел с готовой ухой (вареную рыбу частью подали отдельно, а последняя партия так и осталась в котле) и рядом разместил на большой тарелке гору лепешек. За стол сели всемером – двое дежурили – и с большим энтузиазмом (после салата) принялись за уху. Одной порцией ограничился лишь я один – все остальные добавляли еще и еще, поэтому пришлось мне (как и в случае с пельменями) распорядиться носить тарелки и лепешки дежурным прямо на их посты – иначе они могли бы остаться ни с чем. К концу ужина я вкратце пересказал подчиненным содержание найденного путевого дневника, а также сообщил о драгоценных камнях, обнаруженных мною в мешочке.

– Крупные бездефектные изумруды чистых тонов ценятся дороже алмазов! – заметил Огнев и, после небольшой паузы, добавил. – Наверное, стоит, Николай Александрович, когда прибудем на место, вам заняться осмотром окрестностей, а мы с мужиками наладим быт и будем добывать золото.

– Обязательно! – отозвался я. – Для такого рода поездок я и решил захватить эту лодку. А в помощь себе возьму детвору.

Услышав последнюю фразу, Наташа, сидевшая, как всегда, рядом со мной, даже покачала головой. Володя же напротив – довольно кивнул, на секунду оторвавшись от очередной тарелки с ухой.

– Знаете, Николай Александрович, я сейчас что-то даже беспокоиться начал! – заявил мой заместитель, в обычном для него хитроватом тоне. – Мы тут под вашим руководством мало того, что хорошо поправимся, так еще и здорово разбогатеем – как бы не пришлось потом нам с вами подбирать для «Странника» новый экипаж.

– Ты-то сам, Иван Ильич, – в тон ему отозвался я. – Как смотришь на участие в следующей моей экспедиции?

– Да мы с Олегом Сергеевичем уже решили: куда вы – туда и мы! – засмеялся Огнев. – Вот только жен-подруг да детишек повидаем! А как Вова с Натальей Андреевной?

– Парню учится пора – благо теперь всем обеспечен будет! – вполне серьезно заметил я. – А девица у нас теперь: завидная невеста – красивая, умная и богатая!

– Что ж с того, Николай Александрович! – снова засмеялся мой заместитель. – Мы тоже не лаптем щи хлебаем! И жених у нас имеется под стать: красавец, умница и богат!

– Ох, оттааскает наша девица тебя за бороду, Иван Ильич! – невольно рассмеялся и я. – Не боишься?

– Так ради такого дела потерпим, Николай Александрович! – с хитрой улыбкой продолжил свою шутку (в которую он вкладывал и серьезный смысл) Огнев. – Меня бывшие женушки привечали: одна – черпаком, другая – сковородой... И ничего! Жаль только вот, что утварь попортили!

Наташа не выдержала и рассмеялась, ее примеру последовал и Володя, едва не подавившись лепешкой. Василий и Петр же только сдержанно хмыкали да прятали улыбки – сохраняли дистанцию.

– Хороший ты мужик, Иван Ильич! Вот женщины тебя и любят! – тоже улыбнулся я и уже вполне серьезно добавил. – Завтра с утра на охоту с собой возьмешь Петра, Василия и собак! Всем держаться вместе, а ружья – наготове! Больше чем на двести – триста метров от реки не уходить!

– Все сделаем как надо, Николай Александрович! – заверил меня заместитель. – Будьте спокойны!

VII

Моя восьмичасовая тренировка проходила поначалу при температуре выше двадцати пяти градусов – Агни грел вовсю, и мне приходилось нелегко, хотя я и всегда достаточно хорошо переносил жару. Однако к концу моих занятий с севера потянул прохладный ветерок, темно-синие небо стали затягивать тяжелые почти черные тучи, а вдали слышались первые раскаты грома. Закончив тренировку, я искупался в реке и, выбравшись на плот, распорядился сняться с места. К этому времени наши охотники давно вернулись (использовали для переезда надувную лодку без мотора) и доставили свой трофей – приличную тушу длиннорогой антилопы незнакомого мне вида, а также распиленное на несколько частей сухое дерево – на дрова. Когда я, приведя себя в порядок, прошел на наш камбуз под носовым навесом, Володя уже усердно работал ножовкой, делая короткие чурки для изготовления деревянных примусов. Поставив на огонь сразу три сковороды, я развел в воде (добавив сухого молока) хорошую порцию яичного порошка, в которую бросил овощные приправы и мелко нарезанный зеленый лук. Пока готовился омлет, мои молодые помощники сделали салат, и скоро мы, как обычно, всемером сели за стол, а я вновь распорядился отнести тарелки на посты наших дежурных. Не успели мы управиться с нашим горячим блюдом, как по крыше «Дредноута» забарабанили первые тяжелые капли дождя.

– Встанем на якорь? – спросил мой заместитель, поднимаясь из-за стола, чтобы помочь мужикам закрыть заслонки на окнах.

– Не стоит! – покачал головой я. – Течение здесь слишком слабое – будем дрейфовать... Распорядись-ка, Иван Ильич, убрать паруса (на корме все также были установлены все наши четыре подвесных паруса Катайнена).

Дождь быстро усиливался, превращаясь в настоящий тропический ливень, все чаще грохотал гром. Сильные порывы ветра временами подгоняли наш плавучий дом, разворачивая его то бортом, то кормой вперед. Течение стало заметно усиливаться, и скорость плота начала понемногу возрастать – я и рассчитывал на это обстоятельство, чтобы за счет прибыли воды существенно продвинуться к морю, до времени не используя мотор. Пока мои подчиненные пили чай (я попросил Наташу чуть позднее приготовить мне кофе), я прошел в свое помещение, где теперь стало заметно прохладней и гулял небольшой сквозняк. Помедлив немного, я решил не закрывать заслонками окна, на которых теперь была лишь противомоскитная сетка – снаружи сильно потемнело, а мне для работы нужен был свет. Глянув через открытую кормовую дверь на привязанные к плоту лодки – «Прогресс-4» и «надувнушку» (моторы с той и другой сняли и поместили под навес), которые при таком ливне могли набрать немало воды, я поручил дежурившему здесь Петру (только сменившему Сергея) приглядывать за ними. Найдя на нашем складе в одной из упаковок ручную швейную машинку, а также рулон ярко-голубой полушерстяной ткани средней плотности, я вернулся в «каюту». Для начала я вырезал из ткани квадрат со стороной сто пятьдесят два сантиметра (полная ширина ткани) и сложил его в четыре раза. В это время на пороге появилась Наташа.

– Кофе почти готов, Николай Александрович! – сообщила она, с любопытством следя за моим занятием. – Вы не против, если мы с вами будем пить его прямо здесь?

– Да, конечно! – отозвался я и, взяв со стола самоубирающуюся стальную рулетку, привлек девушку к себе и смерил ее талию.

Ничего, казалось бы, не значащее действие вызвало у меня сильное желание обнять и поцеловать девчонку – сдержаться оказалось непросто, и я постарался сразу переключиться на дальнейшие действия по раскройке ткани. Отложив четверть снятой мерки в углу квадрата, я нарисовал меловым карандашом (пара коробок с ними была захвачена для отметки пути на случай длительных экскурсий) линию талии и низ юбки по максимально возможной длине, а

потом вырезал полученный контур. Затем немного разрезал ткань по верху будущего изделия – для застежки «молнии», которые имелись в достаточном количестве среди швейных принадлежностей (мой бесценный заместитель постарался). Немного подумав, я выкроил пояс шириной около десяти сантиметров – это должно было несколько удлинить юбку, иначе она могла показаться излишне вызывающей на такой рослой и округлой девчонке... Пройдясь везде, где необходимо, сметочными швами, я немного повозился с застежкой: чтобы сделать ее потайной, пришлось отдельно выкроить планку, приметать ее и подшить «молнию» с изнаночной стороны. Низ изделия я решил обработать швом с двойным подгибом – оверлока у меня не было. В это время появилась Наташа с импровизированным подносом в виде дощечки, на которой находились маленький котелок с кофе, наши с ней кружки, банка сгущенного молока и пара пачек печенья. Пришлось мне на время прервать свою работу и освободить столик. Разлив кофе по кружкам и устроившись напротив меня на лежанке (я сидел на скамейке), Наташа помолчала немного, с какой-то незнакомой улыбкой поглядывая на меня, а потом чуть задумчиво произнесла:

– Вы за этим занятием становитесь каким-то ужасно милым, добрым и совсем молодым... Сейчас даже трудно представить, что вы все тот же отважный и сильный мужчина, способный без колебаний идти на гигантского медведя с одним ножом...

– Только не говорите, Наташа, что я опять удивил вас! – улыбнулся и я, открывая банку со сгущенным молоком. – Просто, кажется, еще одно дело оказалось мне вполне по силам.

– С того дня, как мы познакомились с вами, Николай Александрович, я не перестаю удивляться... – серьезно сказала девушка, следя за тем, как я добавляю в ее кофе сгущенное молоко. – Вы все время раскрываетесь для меня с каких-то новых и неожиданных сторон...

Снаружи все также шумел сильный ливень, но громовые раскаты раздавались теперь где-то далеко в стороне. Глянув в окно, я обнаружил, что плот плывет прямо посередине реки, а скорость течения возросла до трех-четырех километров в час. Если такой дождь продлится еще хотя бы пару часов, то мы, возможно, до сна успеем достигнуть пояса болот и озер, где уже придется воспользоваться мотором.

– Я далек от мысли кружить головы молодым девчонкам, Наташа, – чуть отрешенно проговорил я, невольно задумавшись о своей нелегкой бурной жизни. – У меня как-то всегда находились дела важнее...

– Мне представляется, что такой человек, как вы, способен ради дела отказаться от возможных отношений с девушкой даже при явной взаимной симпатии, – заметила моя собеседница, осторожно распечатывая герметичную упаковку с печеньем. – Скажите, Николай Александрович, такое случалось с вами?

– Может быть, три или четыре раза в жизни... – отозвался я с невеселой улыбкой. – Увы, это было совершенно необходимо...

Отставив пустую кружку, я взялся за подготовку швейной машинки – комплект аккумуляторов к ней, заряженный мной еще на «Страннике», находился в отдельной коробке. Я очень надеялся, что их заряда хватит на пошив хотя бы этого изделия, и мне не придется задействовать сегодня лодочный мотор для съема электроэнергии. Наташа, управившись и с кофе, и с печеньем, унесла пустую посуду на наш камбуз, обещав вернуться через десяток минут. Тем временем, я тщательно подшил с помощью машинки низ юбки, обработал потайную «молнию» и притачал двойным швом (скрыв края ткани) широкий пояс, для застегивания которого я использовал платяные крючки (их нашлось в швейных принадлежностях несколько наборов, наряду с кнопками и пуговицами). Моя помощница немного задержалась, и я успел также к ее приходу выдернуть нитки сметочных швов и прогладить готовое изделие своим походным утюгом. Пришла Наташа и хотела сразу примерить сшитую мной меньше чем за пару часов юбку – «солнце», но я задержал ее на минуту и, порывшись в одной из своих необъятных сумок, вручил большой пакет с новенькими (еще в целлулоидных упаковках) мужскими рубашками,

которые я не мог позволить себе носить из-за слишком ярких расцветок. Немного подумав, я не стал убирать весь «портновский инструмент» – до ужина было еще далеко и можно было раскроить ткань другого цвета для следующего изделия...

Наташа появилась минут через десять – она подобрала к юбке голубую рубашку с белосиним орнаментом на основном фоне. Мужская сорочка смотрелась на ней очень хорошо – благо, что размер был на пару номеров больше моего. Длинные рукава она аккуратно закатала выше локтей, а две верхние пуговицы застегивать, разумеется, не стала... Сама юбка на девчонке, конечно, выглядела превосходно – прекрасно сидела на талии, длиной оказалась чуть выше колена и подчеркивала своими увеличивающимися сверху вниз складками достоинства женственной фигуры моей помощницы.

– Ну как? – спросила Наташа, останавливаясь передо мной. – По-моему, здорово!

– Повернитесь, пожалуйста! – несколько необдуманно попросил я, желая лучше осмотреть собственное изделие.

Девушка раза три – четыре быстро крутанулась на месте, и края пышной юбки взлетели выше середины бедер. Зрелище было завораживающим, пожалуй, даже для менее темпераментного мужчины, чем я (хотя мне и удавалось довольно успешно это скрывать).

– Наташа! – даже покачал головой я. – Не так откровенно!

– Простите! – чуть смущенно засмеялась она. – Едва не спровоцировала еще один неожиданный поступок... Большое спасибо за эту обнову! Такое я без колебаний одела бы в самом людном месте!

Она наклонилась и осторожно коснулась прохладными губами моей щеки, а потом, чуть поколебавшись, звонко чмокнула уже в другую щеку... Потом девчонка удобно устроилась на моей лежанке и, наверное, уже в сотый раз за сегодняшний день подняла на меня свои чудесные ярко-голубые глаза.

– Вы ведь еще не отдыхали сегодня, Николай Александрович! – напомнила она мне, а потом, немного помедлив (похоже, что решительности ей в общении со мной было не занимать), с легкой улыбкой добавила. – Ложитесь, а голову устройте... у меня на коленях...

– Звучит очень заманчиво! – ровно отозвался я, а потом даже невольно вздохнул. – Возможно, в следующий раз мы с вами так и поступим... А теперь раскроем-ка до ужина еще пару изделий!

В багаже у нас имелось еще пара рулонов ткани подобного качества – только кремового и травянисто-зеленого цветов. Недолго думая, я раскроил одну из будущих юбок по той же схеме, а другую (кремового цвета) – как «полусолнце». Окончательно сшить их предстояло лишь завтра – аккумуляторы швейной машинки уже бы не вытянули сегодня такую нагрузку, и предстояло зарядить их от лодочного мотора, который я предполагал запустить сразу после сна.

– А есть какая-нибудь еще более легкая ткань? – спросила Наташа, продолжая внимательно наблюдать за моей работой.

– Есть, не очень много... тонкая, из хлопка, белая и бледно-розовая, – несколько рассеянно отозвался я и, спохватившись, поднял голову и внимательно посмотрел на девчонку. – Не пугайте меня так, Наташа!

– Мы поговорим об этом позднее! – очень мило улыбнулась мне она.

– Похоже, я переоценил свои силы, рассчитывая быть хорошим руководителем! – вздохнул я, аккуратно складывая детали будущих изделий на полку.

– Ничего подобного! – весело возразила моя собеседница. – У вас это замечательно получается!

Дождь почти прекратился, и снаружи заметно посветлело, хотя все еще довольно плотные тучи полностью скрывали Агни. Мы вместе прошли в кубрик – пора было заняться ужином. Огнев первый приметил новые вещи на Наташе – он внимательно проводил девчонку оценивающим взглядом и во всеуслышание заявил:

– Руки-то у вас золотые, Николай Александрович! За что не возьметесь – лучше других делаете! Эх, к такой юбочке бы туфельки на каблучке, Наталья Андреевна!

– И не говорите, Иван Ильич! – обернулась девушка. – Кроссовки здесь совсем не к месту!

– А что, Николай Александрович, – в прежнем для себя тоне начал мой заместитель. – Сошьем для девицы сапожки? У меня и хорошая кожа имеется – несколько приличных кусков захватил! Найдется и дратва, шило, толстые иглы, резина на подошву...

– Только с твоей помощью, Ивана Ильич! – дипломатично отозвался я, разглядывая освеженные туши антилоп и определяя, что пустить на отбивные, а какие части оставить для копчения.

– Да вы только расскажите, что и как делать! – продолжал Огнев. – Сразу мужиков запрежем – без дела-то им скучновато...

Из лучших филейных частей антилоп нарезали тонкими ломтиками заготовки для отбивных – это очень ловко сделал доктор, который после удачной рыбалке перед дождем снова остался не у дел. Он же взялся обработать мясо кухонным молоточком, и мне осталось лишь натереть подготовленные ломтики специями и уложить первую партию на сковородки (далее их жарил уже Володя, одновременно приглядывая за варившимся в котле ливером, который я наметил на завтрашние пироги). На огонь также поставили наше традиционное питье на ужин – компот из сухофруктов, а на гарнир к отбивным я приготовил картофельное пюре, воспользовавшись сразу несколькими упаковками с сухим полуфабрикатом. Ужин прошел, как всегда, с обычным энтузиазмом – впрочем, я не мог вспомнить случая, когда бы это было иначе, и едва по кружкам разлили компот, как мой заместитель вернулся к разговору о сапогах для моей помощницы. Подсунув мне свой блокнот, в котором он вел личный учет снабженца, Огнев предложил мне набросать схемы заготовок для сапожного изделия.

– Потребуются специальные колодки, – заметил я, рисуя карандашом на небольшом листке детали будущих сапог. – Вырезать придется из дерева.

– Петр справится, – сказал мой заместитель, внимательно разглядывая мои эскизы. – Размеры надо снять!

Чуть отодвинув свою скамейку от стола, я вынул из нагрудного кармана рубашки самоубирающуюся рулетку и попросил Наташу дать мне ногу. Девушка сбросила кроссовки и сразу положила левую ножку мне на колени. Сняв несколько размеров (длину-ширину ступни и обхват в двух местах), я подумал немного и измерил окружность икр.

– Длину-то надо бы выше колен сделать, – заметил Огнев, наблюдая за моими действиями. – По любой траве тогда ходить можно будет!

– Ладно, сделаем косой срез! – согласился я и приложил край рулетки уже выше колена девушки.

Собственная реакция на эти элементарные действия мне вновь не понравилась – меня всякий раз пробирала дрожь, когда я прикасался к ножкам своей помощницы. Огнев, тем временем, выложил на стол рулон светло-коричневой кожи очень хорошей выделки.

– Зря мы это затеваем, Иван Ильич! – проговорил я, разглядывая материал. – Швы получатся грубыми, а под сапоги одеть девчонке нечего!

– У меня есть гольфы – капроновые и хлопчатобумажные! – вмешалась Наташа, видимо, загоревшаяся сменить ненавистные резиновые сапоги. – Иван Ильич со всем остальным приобрел.

Разложив кожу на столе, я нарисовал на ней мелом контуры заготовок, внося по ходу дела дополнительные изменения – мне пришлось еще раз три брать девчонку за ножки и уточнять размеры (всякий раз одергивая себя за неуместную для зрелого мужчины реакцию на это действие). Огнев вынул из ножен на поясе большой охотничий нож, проверил, как наточено острие и оглянулся на доктора, который с отсутствующим видом допивал компот:

– Ну-ка, Олег Сергеевич, помоги нам! Ты у нас лучше всех с ножом управляешься!

– После Николая Александровича! – пробурчал доктор, поднимаясь и беря нож из рук моего заместителя.

Пока Козырев вырезал заготовки, Петр, по указанию Огнева, взялся за изготовления колодок, воспользовавшись обрезками небольшого бревнышка из бархатного дерева. Мягкая, чрезвычайно удобная в обработке древесина легко поддавалась сначала топору, а потом и ножу умелого мужика. Почти готовые колодки я сравнил со ступнями Наташи и указал места, нуждающиеся в доработке. Еще немного проконсультировав своих подчиненных по поводу изготовления сапог (указал, как сшивать заготовки, натягивать полученные полуфабрикаты на колодки, оббивать молотком швы и размачивать в воде, чтобы дать возможность коже по высыханию приобрести нужную форму), отправился в свою «каюту» отдыхать.

Приняв душ, я расстелил легкие махровые покрывала, взятые мной дополнительно вместо постельного белья, лег и, закинув руки за голову, наверное, целый час провел без сна, думая о непростой для меня ситуации. Дружески-доверительные отношения между мной и Наташей, сложившиеся фактически с первой нашей встречи, то, что мы слишком много времени проводили вместе и ее явное расположение ко мне (не говоря о моей собственной, не в меру горячей симпатии к этой красивой девчонке), привели к какому-то излишне трепетно-нежному чувству с моей стороны. На мой взгляд, это было бы вполне простительно юноше, но совершенно недопустимо для мужчины средних лет. Сложность заключалась еще и в том, что я всеми силами старался ограничиться лишь опекой над моей молоденькой помощницей, но пытаюсь сохранять дистанцию неизбежно терпел поражение – ситуация всегда складывалась в пользу девчонки.

VIII

Когда я поднялся после семи часов сна, то обнаружил, что растительность на берегах совершенно изменилась: всюду росли совершенно незнакомые мне хвойные деревья, пальмы, напоминавшие некоторые виды саговой породы, гигантские папоротники и росшие прямо в воде на многочисленных отмелях хвощи, тростники и еще какие-то растения, похожие на камыш. Течение едва ощущалось – после вчерашних ливневых осадков река успела вернуться в свои берега и плот, казалось, застыл, развернувшись поперек русла. Над водой носились огромные разноцветные стрекозы, издавая странные металлические звуки, с легким шелестом временами пролетали большие, ярко окрашенные мотыльки, а из береговых зарослей постоянно слышалось громкое стрекотание. Выполнив малую утреннюю программу на крыше нашего плавучего дома, я принял душ (купаться уже не решился – из воды время от времени выскакивала мелкая и средних размеров рыба, за которой тут же высовывалась мерзкая морда очередного ящера), оделся и, выйдя на корму, где дежурил Володя, опустил в воду лодочный мотор. Завести его удалось не сразу – с десятой попытки – должно быть, двигатель немного отсырел после прошедшего ливня. Показав нашему юнге, как следует управляться с мотором и какие держать обороты, я вынул штекер из штепсельного разъема на передней части поддона и вернулся в свое помещение, решив еще до обеда подключить к двигателю аккумуляторы швейной машинки для их зарядки. Справился я с этим довольно быстро – провода были достаточной длины, хотя и пришлось дважды выходить на корму, перешагивая через Адмирала, как всегда расположившегося в проходе, чтобы выправить ход «Дредноута» – наш юнга не сразу освоил управление лодочным мотором. До обеда еще оставалось время, тем более что я решил приготовить кашу из овсяных хлопьев и добавить в нее сухофрукты – на вечер были запланированы пироги, и сейчас следовало употребить более легкое блюдо. Сняв с полки вчерашние заготовки, я пристроил швейную машинку и уселся за столик, чтобы довести до ума в предобеденные часы хотя бы одно изделие. Дело пошло сразу – сказался опыт, полученный накануне, хотя я и несколько раз прерывал свое занятие, когда с внутренней улыбкой пытался себе представить, как выглядит за этим мирным занятием худощавый, очень моложавый на вид мужчина, обвешанный оружием... Прострочив последний шов и убрав нитки, служившие для наметки, я пришил крючки на пояс изделия, все время (когда стихал стрекот швейной машинки) прислушиваясь к ровному негромкому гулу мотора, работающего на оборотах ниже средних. Когда я собрался встать из-за столика, чтобы разжечь свой походный утюг, на мои плечи легли сразу две девичьи руки – я от неожиданности на мгновение даже замер (легкие шаги Наташи заглушил двигатель), и моя помощница тут же прижалась щекой к моей буйной шевелюре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.